

Иван Пущин

Записки о Пушкине. Письма

«Public Domain»

Пуцин И. И.

Записки о Пушкине. Письма / И. И. Пуцин — «Public Domain»,

Талантливых натур среди декабристов было много, и Пуцин по праву заслужил эту характеристику. Он был и талантливой натурой, и замечательным общественным деятелем, и стойким убежденным участником революционного движения 20-х годов XIX столетия. Первый друг А. С. Пушкина, он оставил в нашей мемуарной литературе такое ценное наследство, как Записки – обстоятельный и достоверный документ для характеристики Пушкина-лицеиста. В настоящем издании, кроме Записок, помещено 256 писем И. И. Пуцина. До последнего времени их выявлено около семисот. Больше двух третей из общего числа печатаемых писем относится к тридцатилетнему пребыванию Пуцина в тюрьмах и на поселении. В них имеется разнообразный материал для знакомства с историческими и бытовыми условиями.

© Пуцин И. И.

© Public Domain

Содержание

Предисловие	5
Записки о Пушкине[18]	25
Письма[107]	60
1. В. Д. Вольховскому	61
2. В. Д. Вольховскому	62
3. А. С. Пушкину	64
4. А. С. Пушкину	65
5. А. С. Пушкину	66
6. М. И. Пущину[116]	67
7. М. И. Пущину	68
8. М. И. Пущину[117]	69
9. С. М. Семенову[118]	70
10. Родителям и сестрам[120]	71
11. Сестрам	76
12. Е. А. Энгельгардту	77
13. И. П. Пущину	78
14. Е. А. Энгельгардту	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Иван Иванович Пущин

Записки о Пушкине. Письма

Предисловие

Декабрист И. И. Пущин

«Читали ли вы в «Атене» отрывки из записок И. И. Пущина, – спрашивал А. И. Герцен писательницу М. А. Маркович (Марко-Вовчок) в письме от 7 сентября 1859 года. – Что за гиганты были эти люди 14 декабря и что за талантливые натуры!»¹

Талантливых натур среди декабристов было много, и Пущин по праву заслужил эту характеристику. Он был и талантливой натурой, и замечательным общественным деятелем, и стойким убежденным участником революционного движения 20-х годов XIX столетия.

Первый друг А. С. Пушкина, он оставил в нашей мемуарной литературе такое ценное наследство, как Записки – обстоятельный и достоверный документ для характеристики Пушкина-лицеиста.

Типичный представитель передовой части русского общества эпохи дворянских революционеров, Иван Иванович Пущин был яркой индивидуальностью.

Он принадлежал к родовой дворянской семье, его предки упоминаются в грамотах, относящихся к самому началу XVI столетия.

Дед декабриста, Петр Иванович, был адмиралом и сенатором, а отец, Иван Петрович, генерал-лейтенантом, генерал-интендантом флота и сенатором. Брат отца, Павел, тоже был сенатором.

Мать декабриста, Анастасия Ивановна, происходила из богатой семьи Рябининых. Ко времени осуждения сына она уже несколько лет страдала психическим расстройством. Семейей управляла ее старшая – незамужняя – дочь Анна Ивановна. Всего у Ивана Петровича Пущина было двенадцать детей.

Имущественные дела семьи Пущиных пришли в упадок задолго до 1825 года. М. И. Пущин много раз упоминает в своих записках, что, будучи в начале 20-х годов офицером, он сильно нуждался. Отец не мог уделять ему достаточно средств для обмундирования и содержания в гвардии.

О воспитании И. И. Пущина в доме родителей имеются краткие известия в записках его брата, у которого «из воспоминаний детства более всего внедрились в память серьезность отца, помешательство матери, начальство старших сестер, отсутствие всякого присмотра со стороны гувернеров Трините, Вранкена, Троппе и других, баловство старой, любимой няни Авдотьи Степановны и при ней дружба с горничными». «Несмотря, однако же, на такую обстановку, – утверждал М. И. Пущин, – научное наше воспитание шло довольно успешно».²

Сестра Пущина, Екатерина Ивановна, была замужем за генералом И. А. Набоковым. В 20-х годах он командовал крупными воинскими частями. После осуждения Пущина генерал Набоков обращался к правительству с просьбами об улучшении положения его зятя на поселении.

Братья И. И. Пущина служили в различных воинских частях. Старший брат Петр участвовал в войне с Наполеоном и умер в 1812 году от раны, полученной при изгнании врага из России.

¹ А. И. Герцен, Сочинения, ред М. К. Лемке, т. X, PP 85.

² М. И. Пущин, Записки. «Русск. архив», 1908, № 11, стр. 411

Из двух внуков, которых адмирал Пущин хотел определить в Лицей, он выбрал Ивана Ивановича, главным образом потому, что семья отца будущего декабриста, Ивана Петровича, была большая, а состояние недостаточное. Надо полагать, что министр и сам отдал бы предпочтение Ивану Пущину. Согласно списку кандидатов для приема в Лицей он выказал на экзаменах в грамматике русского языка хорошие, французского – изрядные познания, по-немецки – читал, в познании общих свойств тел, в основных началах географии и истории – также выказал хорошие познания.

Его двоюродный брат П. П. Пущин был плохо подготовлен к вступлению в Лицей.

Среди преподавателей Лицея большую роль в формировании мировоззрения автора Записок играл профессор А. П. Куницын, читавший курс так называемых политических и нравственных наук. Влиянием Куницына, его речью 19 октября 1811 года и всем содержанием его лекций поддерживался тот дух в воспитании лицеистов, который содействовал вступлению Пущина в ряды заговорщиков, а юному Пушкину внушал вольнолюбивые мечты. Это направление поддерживалось и самим директором Лицея В. Ф. Малиновским. Он окончил Московский университет по философскому факультету и был очень образованным человеком. В 1802 году В. Ф. Малиновский подал правительству «Записку об освобождении рабов», в 1803 году напечатал «Рассуждение о мире и войне» в двух частях, где изложил проект вечного мира как «условия нераздельного с истинными успехами человечества». В 1813 году им опубликована в журнале «Сын отечества» статья «Общий мир». Он помещал в журналах публицистические статьи, проникнутые гуманными идеями и защитой свободного, демократического, развития народа.

Прогрессивный характер литературной деятельности Малиновского отражал идеи «Путешествия из Петербурга в Москву», «Беседы о том, что есть сын отечества» и других произведений выдающегося русского писателя-революционера конца XVIII столетия – А. Н. Радищева. Малиновский способствовал усвоению этих идей Пушкиным и его однокурсниками, будущими декабристами.

В показании от 17 февраля 1826 года В. К. Кюхельбекер писал, что «Путешествие» Радищева, подобно другим запрещенным произведениям писателей конца XVIII столетия, переписывалось с жадностью, что читатели дорожили каждым смелым словом, которое находили гадким. Кюхельбекер упоминал произведения Радищева и в статье о русской словесности, напечатанной им в 1817 году, тотчас по окончании Лицея.

Влияние радищевской «Вольности» глубоко в творчестве поэтов-декабристов В. Ф. Раевского, К. Ф. Рылеева, в революционных стихотворениях Пушкина.

Особенно горячо и смело пропагандировал в своих лекциях свободолюбивые идеи упоминавшийся выше профессор А. П. Куницын, воспитывавший у лицеистов критическое отношение к самодержавно-крепостнической действительности, любовь к русскому народу. В первоначальной редакции знаменитого «19 октября» Пушкин писал о нем:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень.
Им чистая лампада возжена...

О речи Куницына на открытии Лицея Пушкин вспоминает в стихотворении 1836 года:

Вы помните: когда возник Лицей...
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием...

Куницын читал в Лицее курс естественного права. В изложении курса он заявлял, что «в рассуждении первоначальных прав все люди как нравственные существа между собою совершенно равны, ибо все имеют одинаковую природу, из которой проистекают общие права человечества».

В главе о «праве общественном» Куницын говорил слушателям о незаконности крепостного права. Эта идея, как известно, стала одним из основных пунктов программы Тайного общества декабристов.

Свой курс права Куницын читал не только в Лицее. Он выступал также с публичными лекциями, которые посещали члены Тайного общества И. Г. Бурцов, А. В. Поджио, П. И. Колошин, Н. А. Бестужев и другие. Е. П. Оболенский заявил на следствии, что он «в 1819 году слушал лекции политической экономии у профессора Куницына». Книгу Куницына читал декабрист А. Н. Сутгоф.

В лицейском курсе «Изображение системы политических наук» Куницын говорил, что верховная власть учреждается в интересах всего общества. А затем «граждане независимые делаются подданными и состоят под законами верховной власти; но сие подданство не есть состояние кабалы. Люди, вступая в общество, желают свободы и благосостояния, а не рабства и нищеты».³

На развитие свободомыслия Пущина оказало большое влияние преподавание в Лицее истории отечественной и всеобщей. Лицейский отчет за 1811–1817 годы так характеризует это преподавание: «Вопреки вкравшемуся по злоупотреблению обычаю хвалить все домашнее без разбору, деяние историческое и характеры лиц, имевших влияние на дела России, представляемы были в точном их виде. Самые пороки изображены были во всей их гнусности». Лицейистам внушалось, что в области правления в России предстоит еще сделать очень многое для благосостояния народа.

О духе, господствовавшем в Лицее, писал одному из своих юных друзей товарищ школьных лет Пущина А. Д. Илличевский: «У нас по крайней мере царствует, с одной стороны, свобода, (а свобода дело золотое)... Летом досуг проводим на прогулке, зимой – в чтении книг, иногда представляем театр, с начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся».

Пущин участвовал в школьных спектаклях, занимался в Лицее литературой. Пушкин говорил, что Пущин превосходно владеет русским языком. Литературные способности Пущина признавал также высокообразованный Н. И. Тургенев, привлекавший его в 1819 году к сотрудничеству в журнале «Россиянин XIX века», или «Архив политических наук и российской словесности». Журнал затевался для осуществления программы Союза благоденствия. К сотрудничеству в журнале приглашались члены Тайного общества – Н. М. Муравьев, Ф. Н. Глинка, И. Г. Бурцов и другие, а также Пушкин. «Общество 19 года» и журнал при нем не были осуществлены по причинам общеполитическим и цензурным.

Книга знаменитой французской писательницы А.-Л. Сталь «Взгляд на главнейшие события французской революции», о которой должен был писать Пущин для названного журнала, вышла из печати в 1818 году. То, что она немедленно появилась на столе у только что окончилось его учение лицеиста, говорит о серьезном интересе Пущина к развитию революционных идей. Всем своим содержанием книга Сталь была близка духу программы Тайного общества. Привлекало особенное внимание Пущина утверждение ее автора, что причины революции кроются в общих исторических условиях, что основная цель революции – в завоевании народом политической и духовной свободы, что наряду со свободой революция даст народу благосостояние, а также мысль, что русскому народу предстоит великое будущее.

³ Лекции Куницына в записи лицеиста А. М. Горчакова опубликованы Б. С. Мейлахом в «Кр. архиве», 1937, № 1(80), стр. 75 и сл.

Литератором профессиональным Пущин не стал, хотя впоследствии много и с большим усердием занимался переводами различных сочинений на русский язык. Ни один из них так и не был напечатан, но о стиле Пущина дают лучшее представление его Записки и письма, включенные в настоящее издание. В них много остроумия, тонкой иронии, метких оценок и характеристик, ярких сравнений и сопоставлений. Литературная манера Пущина отличается искренностью и подкупающей простотой изложения.

Несмотря на участие во всех товарищеских шалостях, о которых И. И. Пущин рассказывает в Записках, он был на хорошем счету у лицейских начальников. Прекрасные природные способности помогали ему хорошо усваивать преподаваемое. В «табели об успехах, прилежании и дарованиях воспитанников Лицея с 23 октября 1811 по 19 марта 1812 года» о Пущине сказано: «В российском и латинском языках – превосходные успехи и более тверды, нежели блистательны; редкого прилежания, счастливых дарований; во французском языке – весьма отличные успехи, очень прилежен, очень понятен и способен». В таком же роде отзывы о занятиях Пущина немецким языком, арифметикой, географией, историей, логикой и другими предметами.

Доволен был Пущиным и учитель рисования. Сохранился представляющий несомненный художественный интерес деревенский пейзаж с домиком у моста и женской фигурой, сделанный итальянским карандашом, имеющий надпись чернилами: «1813 года 23 июня. Рисовал Пущин».

Отмечено в «табели», что «по нравственной части» Пущин «весьма благонамерен, с осторожностью и разборчивостью, благороден, добродушен, рассудителен и чувствителен с мужеством».

Таковы в общем отзывы о Пущине в течение всех шести лет его учения в Лицее.

Характер Пущина, необыкновенная доброта его, искренность и прямота в отношении с людьми привлекали к нему любовь всех товарищей по выпуску. Даже сухой и черствый барон Корф писал о нем (в 40-х и 50-х годах) с неподдельной любовью и умилением. Добрая память о Пущине сохранялась в Лицее многие годы, а имя изгнанника было окружено романтическим ореолом.

В начале июня 1817 года, после экзаменов, юный Пущин был выпущен из Лицея офицером в гвардейскую Конную артиллерию.

Кончилось учение и воспитание, началось общественное и политическое служение, проникнутое «лицейским духом».

В секретной записке агента III отделения Ф. В. Булгарина, представленной Николаю I после разгрома декабристов, «лицейский дух» охарактеризован как отражение взглядов, враждебных самодержавному, феодально-крепостническому строю. Булгарин доносил, что в «Лицее начали читать все запрещенные книги, там находился архив всех рукописей, ходивших тайно по рукам, и, наконец, пришло к тому, что если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились в Лицей».

К лицеистам первого курса обращено стихотворение Пушкина «Товарищам», написанное в 1817 году, перед выпускными экзаменами:

...Недолго, милые друзья,
Нам видеть кров уединенья...
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум...

К себе и тем своим товарищам, которые также прониклись передовыми демократическими убеждениями, относил Пушкин следующие строки этого стихотворения:

Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора...
Оставьте красный мне колпак...⁴

На первый взгляд не все здесь совпадает с биографией Пущина. Ведь он был выпущен из Лицея офицером гвардии, а через несколько лет стал коллежским ассессором. Правда, Пущин не рвался грудью в капитаны и вовсе не «полз» в ассессора. И военную службу и гражданскую – судейскую – он избрал именно потому, что был проникнут стремлением быть всюду полезным людям.

Еще в лицейские годы Пущин был частым гостем Священной артели, основанной А. Н. Муравьевым и И. Г. Бурцовым в 1814 году. Вместе с другими участниками артели, названными в Записках Пущина, они и основали в 1816 году первую декабристскую организацию – «Общество истинных и верных сынов отечества», или «Союз спасения». Одним из основателей первоначальной ячейки Священной артели был также брат А. Н. Муравьева – Николай. Кроме тех, кого перечисляет Пущин как участников артели, ее заседания посещали лицеисты В. Д. Вольховский, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, офицеры различных гвардейских частей: Петр Колошин, Михаил Пущин, Александр Рачинский, Демьян Искритский.⁵

Таким образом, Пущин и некоторые его товарищи еще лицеистами были через Священную артель привлечены к деятельности первого Тайного общества декабристов.

В стихотворении одного из участников Тайного общества «К артельным друзьям» – имеются такие строки, обращенные к членам артели:

Я с вами – и в душе горит
Добра огонь священный...
Но час пробьет: услышим мы
Отечества призыванье!..
Кто для отчизны алчет жить,
Тот выше бедствий в свете.

И. Г. Бурцов служил в Штабе Гвардейского корпуса в Петербурге и состоял также действительным членом Общества военных наук, учрежденного при Штабе. Общество издавало «Военный журнал», в котором печатались статьи будущих декабристов. Редактором журнала был член Тайного общества Ф. Н. Глинка. В числе сотрудников журнала были члены Священной артели – И. Г. Бурцов и В. Д. Вольховский.

На допросе в следственной комиссии по делу о заговоре декабристов И. Г. Бурцов заявил в 1826 году, что цель Общества военных наук «состояла в образовании молодых офицеров предпочтительно в военных науках». Следует иметь в виду, что члены этого общества были также участниками Священной артели – зародыша Тайного общества декабристов.

Литературно-просветительная работа членов Общества военных наук вдохновлялась высоким патриотическим стремлением, отличавшим революционные организации 20-х годов и все их побочные управы.

⁴ Красный колпак – фригийская шапка, символ французской революции конца XVIII столетия.

⁵ См. исследование М. В. Нечкиной «Движение декабристов», изд. АН СССР, т. I, 1955, стр. 124 и сл.

Высоким патриотизмом революционно-преобразовательного характера отличались мнения и убеждения И. И. Пущина, сложившиеся под влиянием Священной артели, с которой он сблизился не позже конца 1815 года. Несомненно также, что под влиянием идей, вдохновлявших деятельность Бурцева в военно-патриотическом направлении, Пущин решил поступить на военную службу. Конечно, под тем же влиянием, воспринятым через Пущина, а может быть, и непосредственно на собраниях артели хотел Пушкин посещать класс военных наук в Лицее.

Известно, что в программе Тайных обществ был пункт, предписывавший их участникам занимать должности в различных областях государственного управления, в том числе и в военной. Имелось в виду посредством агитации подготовить население страны к уничтожению царского и чиновничьего самовластия и введению представительного правления. Устав Тайного общества составлялся на основе мнений, постепенно вырабатывавшихся на собраниях объединений, предшествовавших оформлению Союза спасения и Союза благоденствия.

В соответствии с этим Пущин и решил вступить в гвардейскую Конную артиллерию в соответствии с направлением всей деятельности Священной артели.

Вместе со своей артиллерийской частью И. И. Пущин участвовал в походе 1821–1822 годов, предпринятом с целью отвлечь царивший в гвардии «вольный дух». Поход начался в мае 1821 года. Гвардия дошла до Царства Польского и в июле 1822 года вернулась в столицу. Но цели, которую имел в виду Александр I, поход не достиг. Напротив, во время похода состав Тайного общества увеличился, а «вольный дух» распространился во многих армейских полках.

Пущин поступил на военную службу 29 октября 1817 года в чине прапорщика. 20 апреля 1820 года он получил второй офицерский чин – подпоручика, 21 декабря 1822 года был произведен в поручики, а через месяц после этого оставил Конную артиллерию.

Ширилось участие Пущина в делах Тайного общества, укреплялось его чувство ответственности за осуществление цели заговора. Он видел, что для этого недостаточно работы в одном только военном ведомстве, и решил перейти в гражданскую службу.

Внешним поводом к уходу И. И. Пущина из гвардии послужило столкновение с братом царя, Михаилом Павловичем, из-за ничтожного упущения в форме.

Демонстративно оставив службу в гвардии, Пущин хотел усилить значение своего поступка переходом на низшую полицейскую должность – стать кварталным надзирателем.

Сын декабриста Е. И. Якушкин, много беседовавший с Пущиным в Сибири в середине 50-х годов, пишет, что Иван Иванович хотел этим доказать, «каким уважением может и должна пользоваться та должность, к которой общество относилось в то время с крайним презрением».

Такое объяснение почти буквально совпадает с заявлением А. Н. Радищева в его «Беседе о том, что есть сын отечества», которая опубликована за год до «Путешествия из Петербурга в Москву» и примыкает к нему по своему революционно-политическому содержанию. «Истинный человек, – писал Радищев, – с благоговением подчиняется всему тому, чего порядок, благоустройство и спасение общее требуют; для него нет низкого состояния в служении отечеству... не страшится трудностей, встречающихся ему при сем благородном его подвиге... неутомимо бдит над сохранением честности... помогает несчастным».

Решение Пущина привело в ужас его семью. Сестра на коленях умоляла его отказаться от мысли пойти в кварталные. Пришлось уступить родным.

Согласно Отчету 1817 года профессора Лицея стремились так показать воспитанникам устройство государственных дел, «чтобы сердца их наполнились состраданием к ближнему и чтобы они получили смелость восставать против злоупотреблений, таким игом обременяющих общество». В истолковании законодательства России лицеистам указывались причины запущенности и беспорядка в ходе судебных дел, вытекавшие из всего государственного строя.

Отказавшись от мысли служить в полиции, Пущин решил пойти на службу в судебное ведомство. Хотя он мог занять там место только «в нижней инстанции», он «никак не почитал его малозначущим, потому что оно дает направление делу, которое трудно, а иногда уже и

невозможно поправить в высшем присутственном месте». Пущин был уверен, что в судебном ведомстве всякий честный человек может быть полезен отечеству.

Отставку из военной службы Пущину пришлось ждать больше четырех месяцев. Лишь 5 июня 1823 года он мог приступить «к отправлению должности» надворного судьи.

Арестованный в самый день восстания, 14 декабря, К. Ф. Рылеев в своем показании заявил, что принят был в Тайное общество Пущиным. Однако Пущин был арестован только 16 декабря, а допрошен на другой день. На первом допросе он показал, что по службе в Уголовной палате познакомился с Рылеевым и, «узнав его хорошо, принял его членом в общество».

Возможно, однако, что на деле все это произошло иначе. И. И. Пущин поступил на службу в палату в июне 1823 года, а Рылеев был введен им в Тайное общество в начале этого года. Следовательно, Пущин «хорошо» узнал поэта-гражданина не только до начала 1823 года, а задолго до того. Можно не сомневаться, что по своей близости к литературным кругам столицы и по своему политическому направлению он интересовался автором революционного стихотворения «К временщику» еще с 1820 года. А потому вернее будет предположить, что Пущин вступил в Уголовную палату по совету Рылеева. Поэт служил там с января 1821 года и своей деятельностью доказал, что в судебном ведомстве имеется много возможностей быть полезным отечеству. Рылеев был принят в Тайное общество не в качестве «согласного», рядового участника движения, как это обычно делалось относительно вновь привлекаемых к заговору, а в качестве «старейшего», имевшего право принимать новых членов.

По убеждениям, по темпераменту и направлению своей политической деятельности Рылеев был настроен решительнее Пущина, взгляд которого на задачи общества, по крайней мере на текущий момент, больше соответствовал конституционно-монархическому направлению Никиты Муравьева. Но в практическом отношении Пущин действовал вполне в духе воззрений Рылеева. Совместными усилиями они оживили деятельность Северного общества, возникшего после 1821 года⁶ и действовавшего первое время очень слабо. Направление общества приняло более революционный характер, чем этого хотели другие руководители его: Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев, С. П. Трубецкой. Чтобы оживить московское отделение Тайного общества, руководители заговора поручили Пущину организовать московскую управу Северного общества.

Своеобразную позицию Пущин занимал в крестьянском вопросе, считая, что при тогдашних обстоятельствах нет возможности полностью уничтожить крепостное рабство. Он решил осуществить сначала более скромную часть программы и с этой целью учредил в Москве Практический союз. Задачей союза, впредь до осуществления общеполитических и социальных идеалов общества, было содействие освобождению от крепостной зависимости дворовых людей. Программу Практического союза И. И. Пущин изложил на следствии в показании от 11 января 1826 года, заявив, что основал он эту организацию, желая хотя бы несколько содействовать к общему благу в духе Союза благоденствия. «Обязанность члена состояла в том, — пояснял Пущин, — чтоб непременно не иметь при своей услуге крепостных людей... Сверх того, при всяком случае, где есть возможность к освобождению какого-нибудь лица, оказывать должен пособие или денежное, или какое-либо другое».

Сам Пущин крепостных не имел. К своему служителю из отцовских дворовых, Алексею, он относился без барского высокомерия, а после осуждения просил отца отпустить Алексея на волю.

Интересный рассказ о том, как оживилась деятельность московской управы Тайного общества при Пущине, находим в Записках А. И. Кошелева, который служил по окончании университета в Московском Архиве иностранных дел и входил в кружок так называемых

⁶ В 1821 году на съезде Союза благоденствия в Москве Тайное общество было объявлено распущенным. Сделано это было с целью избавиться от колеблющихся участников заговора, выступавших против его революционного направления.

«архивных юношей». Кружок этот придерживался очень умеренных политических взглядов. Вспоминая о сильном и всеобщем недовольстве внешней и внутренней политикой Александра I, благонамеренный монархист, но противник аракчеевщины, Кошелев писал спустя много десятилетий: «Никогда не забуду одного вечера, проведенного мною у внучатого моего брата, Мих. Мих. Нарышкина; это было в феврале или марте 1825 года. На этом вечере были: Рылеев, кн. Оболенский, Пущин и некоторые другие, впоследствии сосланные в Сибирь. Рылеев читал свои патриотические думы, а все свободно говорили о необходимости покончить с этим управлением». Кошелев, может быть, и не знал, что он присутствовал в тот вечер на заседании московской управы Северного общества.

Характерен также случай с привлечением к Тайному обществу В. И. Штейнгейля. В 1823 году он познакомился в Петербурге с К. Ф. Рылеевым. Поэт познакомил Штейнгейля с задачами и деятельностью общества в основном, добавив, что подробности он узнает в Москве – от Пущина. Передавая Штейнгейлю письмо к Пущину, Рылеев сказал, что с Иваном Ивановичем будет «приятно познакомиться». Штейнгейль вступил в московскую управу и вскоре сообщил Рылееву, что действительно иметь дело с Пущиным «очень приятно». В ответ на это Рылеев писал Штейнгейлю в марте 1825 года: «Спасибо, что полюбил Пущина; я еще от этого ближе к тебе. Кто любит Пущина, тот уже непременно сам редкий человек». П. А. Муханов показывал на следствии, что Пущин вообще имел «хорошее имя в Москве», а М. Ф. Митьков говорил в январском показании 1826 года об энергичной деятельности Пущина в московской управе Тайного общества.

На Пущина возлагались большие надежды и членами Верховной думы К. Ф. Рылеевым и Е. П. Оболенским, которые условились с ним, что в случае какого-либо важного происшествия он явится в Петербург, чтобы действовать вместе с товарищами по заговору.

В декабре 1825 года, после смерти Александра I, Пущин приехал в Петербург. Он повидался с родными и отправился к Рылееву. Поэт жил в доме Российско-американской компании у Синего моста. Рядом с ним жил А. А. Бестужев.

Главные деятели Северного общества собирались у Рылеева. Пущин сразу вошел в центр организации восстания. Здесь вырабатывался план действий, обдумывались и составлялись проекты манифеста от имени временного правительства. Отсюда исходили указания руководителей отдельных отраслей Тайного общества при воинских частях.

Пущин считал, что основы государственного строя России должны быть определены представителями всего народа после успешного завершения восстания. Он распространял списки проекта конституции, составленного Н. М. Муравьевым, поручал Бриггену, Кашкину и другим участникам Тайного общества переписывать его. Благодаря Пущину до нас наиболее полный текст муравьевской конституции в списке К. Ф. Рылеева. Но Пущин распространял эти списки не в качестве агитационного документа, а для того, чтобы члены общества могли представить свои замечания на него.

Среди участников революционного движения большинство составляли военные. Из общего числа около 580 подозреваемых, находившихся в поле зрения следователей, их было 456 человек. Из них изрядное число генералов, очень много штаб-офицеров: полковников, подполковников и майоров. Было несколько человек, занимавших крупные места в гражданском ведомстве.

Участники декабристского движения были дворянскими революционерами. Замышляя переворот, они не представляли себе возможности совершить его при содействии народных масс. Они полагали достаточным обещание офицеров – членов Тайного общества – присоединить к восстанию подчиненные им войсковые части. Но высшее офицерство в лице генералов М. Ф. Орлова, М. А. Фонвизина и других уклонилось в последний момент от участия в восстании. Полковники С. П. Трубецкой и А. М. Булатов и некоторые другие участники заговора, выказавшие во время отечественной войны отличную храбрость и умение командовать своими

отрядами, оказались непригодными к руководству восставшими полками. Младшие офицеры, обещавшие выйти на площадь со своими частями, сумели привести довольно внушительные силы, но не были подготовлены к использованию их для достижения целей общества. И все-таки дело декабристов не пропало бесследно.

Характеризуя декабристов как революционеров дворянских, говоря о том, что они «бес- сильны без поддержки народа, В. И. Ленин подчеркивал вместе с тем, что они «помогли *разбудить* народ». ⁷ Ленин говорил также о «республиканских идеях декабристов». ⁸

И. И. Пущин обладал достоинствами и разделял ошибки дворянских революционеров. Подобно другим руководителям движения, он считал, что главная тактическая задача Тайного общества заключается в привлечении к восстанию возможно большего числа начальников войсковых частей, даже небольших количественно. Вот почему еще в ноябре 1825 года он писал из Москвы своему брату Михаилу, что должен будет в Петербурге сообразоваться с его действиями, полагая, что брат сумеет вывести на площадь свой Конно-пионерный эскадрон. На следствии братья Пущины отрицали это обстоятельство – конечно, из соображений самозащиты.

В обширной литературе о взаимоотношениях Пушкина с декабристами остается до сих пор нерешенным вопрос о том, имен ли Пущин в виду, как об этом рассказывает в своих Записках декабрист Н. И. Лорер, привлечь великого поэта к непосредственному участию в восстании, или просто хотел видеться с ним перед решающим моментом революционного движения.

В 1930 году М. В. Нечкина опубликовала не известный до того времени отрывок из Записок декабриста Н. И. Лорера. Вот что сообщает Лорер о своей встрече на Кавказе, вскоре после смерти поэта, с его младшим братом Львом Сергеевичем: «Однажды мы пошли с ним бродить по Прочноокопской станице... Лев Сергеевич... рассказал мне одно обстоятельство из жизни поэта, не всем известное... Однажды он получает от Пущина из Москвы письмо, в котором сей последний извещает Пушкина, что едет в Петербург и очень бы желал увидеться там с Александром Сергеевичем. Не долго думая, пылкий поэт мигом собрался...»

Как известно, поездка эта не состоялась. Что же касается письма Пущина к поэту, то иных сведений о нем не имеется. Нового в рассказе Лорера только то, что Пушкин собирался в декабре 1825 года выехать из Михайловского в Петербург именно по вызову Пущина.

В комментариях к приведенному выше отрывку из воспоминаний Лорера говорится, что его сообщение «с точки зрения историка декабристов... не противоречит ни датам, ни детальной фактической истории восстания 14 декабря... Веря в восстание во время его подготовки и считая, что оно одним ударом может все разрешить, Пущин, возможно, и захотел, чтобы А. С. Пушкин не остался чужд этому решительному моменту, и вызвал его письмом в Петербург. Ясно, что речь шла не о простом свидании друзей». Это заключение М. В. Нечкиной повторено в ряде ее последующих работ, в которых затронута тема об отношении Пушкина к движению декабристов. ⁹

Версия о вызове Пущиним своего друга в декабре 1825 года для участия в восстании трактуется в более уверенном, но менее доказательном виде в работах А. М. Эфроса о рисунках Пушкина, связанных с историей декабристов. Здесь имеется даже утверждение, что Пущин «приобщил» поэта в январе 1825 года к «заветному делу», то есть к заговору. ¹⁰

⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 295.

⁸ Там же, т. 6, стр. 103.

⁹ М. В. Нечкина, О Пушкине, декабристах и их общих друзьях, «Кат. и ссылка», № 4(65), 1930, стр. 20 и сл. Примечания к Запискам Н. И. Лорера, 1931, под ред. М. В. Нечкиной, стр. 413 и сл. (рассказ Лорера – стр. 199 и сл.). Статьи о взаимоотношениях Пушкина и декабристов – А. С. Пушкин, Сочинения, 1931, т. 6, стр. 116 и сл.; «Вестник», АН СССР, 1937, № 2–3, стр. 165 и сл.; сб. «100 лет со дня рождения Пушкина», 1938, стр. 37 и сл., стр. 50; сб. «Лит. наследство», 1952, т. 58, стр. 155 и сл.; сб. «Декабристы и их время», стр. 182 и сл.; «Восстание 14 декабря 1825 года», 1951, стр. 32 и сл., 65 и сл., 107 и сл., 165 и сл. См. также исследование «Движение декабристов», изд. АН СССР, 1955, т. II, стр. 104 и сл.

¹⁰ А. М. Эфрос, Декабристы в рисунках поэта, сб. «Лит. наследство», 1934, т. 16–18, стр. 928 и сл.; ср. в сб. «Пушкин – Временник», вып. I, 1936, стр. 348 и сл.; вып. II, 1936, стр. 361, 421 и сл.; вып. III, 1937, стр. 461.

Пущин в 1825 году не менее, чем в 1858 году, был уверен, что Пушкин «всегда мыслил» о революционном движении декабристов «согласно» с ним самим и проповедовал «в смысле» Тайного общества своими стихами и прозой.¹¹

Есть еще одна часть вопроса об отношении А. С. Пушкина к Тайному обществу, связанная с Записками его лицейского товарища и требующая разъяснения в очерке о Пущине. В письме к М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 года декабрист И. И. Горбачевский коснулся, между прочим, рассказа Пущина о том, почему он не решился привлечь Пушкина в Тайное общество. Горбачевский заявлял в письме к Бестужеву, что членам Тайных обществ было Верховной думой «запрещено знакомиться с Пушкиным». Но Горбачевский, несмотря на свою превосходную память, напутал в рассказе об отношении Верховной думы к Пушкину. Главная управа Южного общества могла официально запретить что-либо Горбачевскому и другим членам Общества соединенных славян только после сентября 1825 года, то есть после слияния этих двух организаций. Но тогда уже не приходилось запрещать заговорщикам «знакомиться с поэтом Пушкиным на юге», так как поэт с августа 1824 года находился в ссылке в селе Михайловском Псковской губернии.

Большой интерес представляет письмо сына декабриста С. Г. Волконского к биографу Пушкина, академику Л. Н. Майкову, от 18 июля 1899 года. «Не знаю, – писал М. С. Волконский, – говорил ли я вам, что моему отцу было поручено принять его [Пушкина] в общество и что отец этого не исполнил. «Как мне решиться было на это, – говорил он мне не раз, – когда ему могла угрожать плаха, а теперь, что его убили, я жалею об этом. Он был бы жив, и в Сибири его поэзия стала бы на новый путь».¹² Известно, что С. Г. Волконский был убежденным участником заговора и наиболее близким к руководству Тайного общества.

В своих обширных воспоминаниях, написанных в начале 60-х годов и опубликованных спустя сорок лет после его смерти, М. И. Пущин уверяет, что он совершенно не был причастен к заговору и восстанию декабристов. Понятно, что в тогдашних условиях, да еще в то время, когда Александр II восстановил М. И. Пущина в генеральском чине и назначил его комендантом Бобруйской крепости, он иначе не мог писать.

Но в этих же воспоминаниях М. И. Пущин извратил также роль своего покойного брата Ивана Ивановича в историческом подвиге декабристов. Неправильное изложение этой роли перешло в некоторые общие работы о декабристах и в мои прежние статьи о первом бесценном друге великого поэта.

И. И. Пущин считал царя главным виновником «горестного состояния отечества» и «зла существующего порядка». Он не был сторонником цареубийства, но не был также противником совершения государственного переворота революционным путем. Положительное отношение И. И. Пущина к насильственному введению конституционного управления страной при народном, демократическом представительстве, его решительность при подготовке вооруженного восстания, стойкость в день 14 декабря на Сенатской площади, уверенность в успехе восстания доказаны документально.

На заявление следственной комиссии о показании Рылеева, который сообщил, что Трубецкой поручил ему вместе с Пущиным заставить сенат опубликовать манифест к народу русскому о введении нового правления, Пущин ответил: «В полной мере утверждаю показание сие... поручение сие... было обще нами признано в совещании за нужное». Ответ Пущина проникнут характерным для всего его поведения во время следствия старанием выгородить

¹¹ Об отношении Пущина к вопросу о привлечении поэта к заговору декабристов см. в тексте Записок – стр. 68 и сл., 71 и сл., 81 и сл., 87 и сл.

¹² И. И. Горбачевский, Записки и письма. Ред. Б. Е. Сыроечковского, М. 1925, стр. 359 и сл. Письмо М. С. Волконского к Л. Н. Майкову – в Центральном Государственном архиве, фонд 1146, № 68 (ср. в статье М. В. Нечкиной «Новое о Пушкине и декабристах», «Лит. наследство, № 58, 1952, стр. 163).

товарища по заговору: не Трубецкой поручал, а все руководство восстанием поручило пойти в сенат.

И. И. Пущин был согласен с предложением арестовать всю царскую семью, чтобы избежать новый порядок от претендентов на управление государством. «Возможность сего предприятия, – говорит он, – основывал я на военной силе».

На вечернем собрании 13 декабря И. И. Пущин ручался, что его брат Михаил выведет свой эскадрон на площадь. Он был уверен, что при участии в восстании тех войсковых частей, в которых служили члены Тайного общества, успех обеспечен.

В тот же вечер К. Ф. Рылеев предлагал П. Г. Каховскому убить «завтра» императора. При этом он обнял будущего исполнителя приговора Верховной думы над тираном. И. И. Пущин также обнял и поцеловал Каховского.

Накануне восстания Пущин вместе с Рылеевым был у Бестужевых. Говорили о принятых на совещании решениях. Пущин сообщил, что Трубецкой будет всем управлять на площади, и добавил: «Как бы ни были малы силы, с которыми выйдут на площадь... надо... идти с ними немедленно во дворец». Появившегося Н. П. Репина он убеждал склонить офицеров своего полка не присягать Николаю I.

И. И. Пущин старался внушить полковнику А. М. Булатову, которому руководители заговора предлагали принять 14 декабря вместе с Трубецким командование на площади, – уверенность в успешном исходе восстания.

Заметив колебание С. П. Трубецкого в связи с возложенном на него руководством восставшими войсками на площади, И. И. Пущин отправился к нему утром 14 декабря вместе с К. Ф. Рылеевым. Убеждая диктатора выполнить свой долг, Пущин сказал ему: «Однакож если что будет, то вы к нам придете». Это было сказано не в виде вопроса, а как пожелание. И добавил: «Мы на вас надеемся».

Пущин проявил себя на Сенатской площади стойким и непоколебимым. Когда многие участники выступления решили, что все пропало, он сохранял уверенность в возможность успеха. А. А. Бестужев писал в ответ на вопрос следственной комиссии от 28 января 1826 года: «Иван Пущин. В обществе давно; прежде был весьма рассудителен и говорил, что начинать прежде 10 лет и подумать нельзя; что нет для того ни людей, ни средств. В бытность мою в Москве (в мае) он повторял то же самое. Но, прослышав о смерти государя императора, тотчас приехал в Петербург и уже говорил наравне с другими, что такого случая упускать не должно. В день действия Иван Пущин был на площади, ободрял солдат, и даже когда никто не принял команды, он взял это па себя, сказав солдатам, что служил в военной службе... Он говорил, что необходимо еще подождать темноты, что тогда, может быть, перейдут кой-какие полки на нашу сторону».

На площади Пущин стоял возле памятника Петру Первому. А. Е. Розен рассказывает в своих Записках, что «всех бодрее в каре стоял И. И. Пущин. Хотя он, как отставной, был не в военной одежде, но солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствие и бодрость. На вопрос мой Пущину, где мне отыскать Трубецкого, он мне ответил: «Пропал или спрятался, – если можно, то достань еще помощь, в противном случае и без тебя тут довольно жертв».

Но, хотя спокойствие Пущина действовало на солдат ободряюще, он все-таки отказался на площади надеть мундир, как советовал ему В. К. Кюхельбекер, и взять на себя команду вместо неявившегося С. П. Трубецкого. При этом он с нетерпением спрашивал: «Где же Трубецкой и прочие?» Прочие: А. М. Булатов и А. И. Якубович, которым на предварительных совещаниях предлагали командовать на площади войсками.

В Конной артиллерии, где служил И. И. Пущин по окончании Лицея, несколько офицеров отказались 14 декабря присягать Николаю I. Их арестовали. Они насильно ушли из-под ареста, явились к Пущину и хотели присоединиться к войскам на площади. Тог сказал, что их появление имело бы смысл, если бы они привели солдат.

Был случай, когда, по какому-то недоразумению, восставшие войска чуть не обстреляли один свой отряд. Находившиеся на площади офицеры растерялись. И. И. Пущин сохранил хладнокровие, велел барабанщику бить отбой и предотвратил несчастье.

Решив открыть огонь по восставшим войскам, Николай послал к ним для предупреждения генерала И. О. Сухозанега. Это был один из самых невежественных царских генералов, человек нечистоплотный в нравственном отношении. И. И. Пущин не дал ему говорить, крикнув: «Пришлите кого-нибудь почище вас!»

Но когда по приказу Николая артиллерия начала стрельбу по восставшим войскам, И. И. Пущин советовал окружающему площадь народу разойтись во избежание лишних жертв.

Сам Пущин не «кланялся» пулям, хотя его шуба была прострелена во многих местах и сестра Анна Ивановна на другой день зашивала ее. М. И. Пущин вспоминал в 60-х годах, что брат показывал ему вечером картечные дыры в своей шубе и говорил, что, «когда все начальствующие в каре восставших солдат разошлись, ему пришлось принять начальство и распорядиться».

И. И. Пущин один из последних ушел 14 декабря с Сенатской площади после разгрома восстания. Вечером он отправился на квартиру К. Ф. Рылеева. Туда пришли некоторые другие участники Тайного общества.

Г. С. Батеньков, входя в комнату, спросил Пущина: «Ну что?» Вопрос, повидимому, был задан с упреком в легкомыслии, – Батеньков скептически относился к успеху восстания. Пущин ответил тоном сильной укоризны: «Ну, что вы, подполковник? Вы-то что?» Батеньков, участвовавший в собраниях у Рылеева при подготовке выступления, на площади не был.

Весь день 15 декабря И. И. Пущин оставался свободным. Не скрывался и не пытался скрыться. 16 декабря он был арестован дома. Вряд ли соответствует действительности сообщение Е. И. Якушкина о том, что «рано утром 15 декабря» к Пущину приехал его лицейский товарищ А. М. Горчаков, «привез ему заграничный паспорт и умолял ехать немедленно за границу, обещаясь доставить его на иностранный корабль».¹³ Версия эта весьма сомнительна. Сам Пущин об этом нигде не упоминает, а относительно Горчакова известно, что из карьеристских соображений он открыто порицал вольнолюбивые стихотворения и «нелепое» поведение Пушкина. Тем более Горчаков не мог сочувствовать участию Пущина в мятеже, да еще приходиться к нему после восстания, подвергаясь огромному риску.¹⁴

16 декабря И. И. Пущина доставили на гауптвахту. Арестованный еще 15 декабря М. И. Пущин видел, как привезли его брата «со связанными руками, в сопровождении фельдъегеря и двух жандармов верхом с обнаженными саблями».

А. Е. Розен тоже видел, как привезли арестованного Ивана Пущина, и был сильно расстроган, когда присутствовавший при этом молодой офицер гвардейского Гренадерского полка С. П. Галахов бросился в середину конвоя, чтобы обнять Пущина.

В Петропавловскую крепость И. И. Пущин был доставлен лишь в половине третьего после полудня 17 декабря. В записке коменданту крепости А. Я. Сукину царь велел посадить Пущина в Алексеевский рavelин. Содержался он в камере № 5.

Многие свидетельства говорят о пытках, применявшихся при допросах декабристов. Пытки нравственные, порою физические широко практиковались комиссией, действиями которой руководил император. Заковывали в ножные и ручные кандалы, угрожали пытками в случае заpiresательства, подвергали испытанию родственные и дружеские чувства, поражали воображение и тревожили дух. Николай с безграничным цинизмом рассказывает в своих

¹³ Е. И. Якушкин, Воспоминания об И. И. Пущине (в книге «Записки И. И. Пущина о Пушкине», изд. 1907, стр. 83 и сл.).

¹⁴ П. У. Шеголев. Пушкин и князь А. М. Горчаков (в книге Шеголева «Из жизни и творчества Пушкина», изд. 1931, стр. 9 и сл.).

записках, как он допрашивал С. И. Муравьева-Апостола в продолжение нескольких часов, не обращая внимания на усталость и полнейшую измученность допрашиваемого, который буквально падал с ног. Посылая декабристов в крепость, Николай обычно указывал коменданту, как содержать их: одного «строжайше» или «настрожайше», другого «заковать в ручные железа»; одних «содержать лучше обыкновенного содержания»; некоторых «содержать строго, но снабжать всем, что пожелает, то есть чаем»; иных «содержать строго, но хорошо» и т. п. В записке об И. И. Пущине указано только место заключения.

И. И. Пущин принадлежит к небольшому числу участников движения, которые, подобно М. С. Лунину, И. Д. Якушкину и еще, может быть, двум-трем арестованным, проявили себя на следствии особенно стойко, как настоящие, испытанные борцы.

Редкий из декабристов был так сдержан, осторожен и уклончив в своих ответах комиссии, как Пущин: показания его – самые краткие из показаний всех привлеченных к делу руководителей заговора. В них вырисовывается его благородный характер, проявляется его политическая зрелость, обнаруживается гражданская стойкость, видна нежная дружба к товарищам по несчастью. Когда невозможно было отделаться молчанием, Пущин ссылаясь не на отдельных членов общества, а на постановление совещания. Он не только не выдавал товарищей, не только умалчивал о тех, которые были уже известны комиссии. В его показаниях нет даже намека, по которому можно было бы привлечь к следствию хотя бы одного неизвестного Николаевским палачам участника движения. Он долго и упорно называл только вымышленные имена или умерших лиц. Мало того, никто, кроме И. И. Пущина и М. С. Лунина, не предлагал следователям быть приличными и скромными.

Всех показаний И. И. Пущина в его личном деле, в делах других декабристов и в общем делопроизводстве следственной комиссии – около сорока. В собственном его деле их всего четырнадцать. Вопросы комиссии в этом деле занимают гораздо больше места, чем ответы арестованного. Показания Пущина в других делах ограничиваются несколькими словами.¹⁵

Первое собственноручное показание дано И. И. Пущиным 17 декабря 1825 года. Следующий допрос был учинен ему 20 декабря. По требованию комитета, Пущин сообщил, что свой образ мыслей заимствовал по естественному ходу духа времени и от чтения политических книг; никто не способствовал к укоренению в нем свободолюбивых идей.

Видя упорство Пущина и нежелание давать прямые ответы на письменные вопросы, следственная комиссия вытребовала его 28 декабря на допрос, будучи в полном своем составе. «Убежденный в горестном положении отечества моего, – отвечал Пущин после священнического увещания, – я вступил в общество с надеждою, что совокупности с другими могу быть России полезным слабыми моими способностями и иметь влияние на перемену правительства оной. Принят был я в общество в 1821 году Беляевым.¹⁶ С означенным Беляевым познакомился я у давнишнего моего приятеля Павла Черевина, который, к сожалению друзей его, скончался в прошлом году в Москве...»

Николаю хотелось иметь подтверждение показаний некоторых многоречивых декабристов о том, что заговорщики рассчитывали на содействие М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова и других сановников, высказывавшихся против аракатеевских приемов в государственном управлении. На соответственный вопрос комиссии Пущин ответил, что в Тайном обществе «не находилось никого из людей высшего сословия; но мы надеялись, что найдутся таковые,

¹⁵ Дело следственной комиссии о коллежском асессоре Пущине № 14 (по Северному обществу – № 346) – фонд 48 в Центральном Государственном историческом архиве. См. «Восстание декабристов» (Материалы, документы, т. II, 1926, стр. 201–238, 393–398). Дела следственной комиссии № 6, л. 5; № 25, л. 408; № 76, л. 14; ф. 48, там же; ср. у К. Аксенова «Северное общество декабристов», 1951, стр. 87, 152, 215. Дела С. П. Трубецкого, Е. П. Оболенского и других – «Восстание декабристов», тт. I, II, III, VIII, IX – по указателям имен.

¹⁶ Вымышленное лицо.

которые, видя нас с вооруженною силою, захотят действовать согласно нашей цели для блага отечества».

Далее Пущин объяснял, что по приезде в Петербург он слышал, что Константин отрекся от престола, а также о нежелании некоторых гвардейских полков присягать Николаю. Поэтому он полагал, что «воспользоваться сим неудовольствием войск весьма можно для исполнения цели общества». Возможность «сего предприятия» Пущин «основывал на военной силе, которая в состоянии будет» отстранить царствующий дом от престола и, «руководимая членами общества, требовать от высших правительственных мест учреждения временного правления впредь до собрания государственных чинов для совещания о новом государственном устройстве...»

Признав в показании от 11 января «со всей искренностью», что в Москве, «из желания хотя несколько содействовать к общему благу», он учредил союз для освобождения дворовых людей, Пущин заявляет: «Поименовывать членов сего союза я почитаю излишним, ибо сие не входит в состав требования комитета».

Эти слова рассердили членов комиссии. Пущину было сделано строгое внушение: ему предложили «не умствовать и не рассуждать».

Нужно было высказаться точно по вопросу о том, когда Пущин вступил в Тайное общество и кто его ввел туда. Когда следователи назвали имена и показали точные заявления других заговорщиков, Иван Иванович вынужден был заявить в показании 19 мая: «Действительно, в 1817 году принят был полковником Бурцевым здесь, в Петербурге, в члены общества. Признаюсь откровенно, что не хотел объявить его, полагая его совершенно отклонившимся от общества... Беляев есть вымышленное лицо... поддерживаемое и употребленное из некоторого чувства сострадания к Бурцову...»

В числе подозрительных Николаю высших сановников был знаменитый генерал А. П. Ермолов. О нем допрашивали многих. Пущин ответил (в показании 9 января), что о существовании отрасли Тайного общества в Кавказском корпусе, которым командовал Ермолов, он «никакого сведения не имел».

В том же показании Пущин заявил, что Пестеля никогда не видел, но «слышал только лестный отзыв о его дарованиях».

В списке лиц, преданных верховному уголовному суду, И. И. Пущин помещен в числе членов Северного общества. В одной из формулировок обвинительного заключения по делу Пущина говорится, что он «взялся ободрить войска на площади, где оставался до картечных выстрелов, расхаживая по фасам, поощрял солдат к мятежу и при наступлении кавалерии на чернь скомандовал переднему фасу взять ружья от ноги». В росписи, содержащей приговор суда, Пущин включен в рубрику «государственных преступников первого разряда, осужденных к смертной казни отсечением головы».

По конфирмации приговора осужденным по первому разряду, в том числе Пущину, смертная казнь была заменена ссылкой «вечно на каторжные работы», с лишением чинов и дворянства. Еще через несколько дней Пущин был перечислен в ту группу осужденных по первому разряду, которым срок каторжных работ был определен в двадцать лет, со ссылкой затем в Сибирь на поселение.

Во время чтения приговора, 13 июля 1826 года, один только Пущин пытался протестовать против осуждения его и его товарищей и выступил с речью. Начальство зашикало на смельчака и велело увести осужденных в казематы.

Бесстыдной комедией суда над декабристами руководил сам Николай I. Исход суда был им предрешен в первый же день после разгрома восстания. Семь месяцев он вдохновлял и направлял следствие, стремясь выловить возможно большее число зараженных «вольным духом». Для надзора за всеми русскими людьми вообще была учреждена еще до окончания

суда над декабристами широко разветвленная шпионская организация, состоявшая под общим начальством А. Х. Бенкендорфа, – Шотделение собственной канцелярии царя и при нем корпус жандармов. Николай рассчитывал, что таким путем ему удастся предупредить возникновение «злоумышленных» обществ.

После приговора И. И. Пущина продержали двадцать месяцев в Шлиссельбургской крепости. В октябре 1827 года его, вместе с П. А. Мухановым и А. В. Поджио, отправили на каторгу в Читу. Духом он был тверд по-прежнему.

В ноябре Пущин был в Тобольске, в конце декабря – в Иркутске, а в первых числах января 1828 года прибыл в Читу. Здесь он был помещен в одной камере с И. Д. Якушкиным и другими товарищами.

Работа в Чите заключалась в засыпке земель так называемой Чертовой могилы. Мололи муку. В каземате декабристы вели жизнь на артельных началах – поочередно заведовали хозяйством, убирали камеру. К обеду сторож приносил огромную миску щей, крошеное мясо и нарезанный хлеб; ножей и вилок заключенным не полагалось. Ложки отпускались деревянные или оловянные, вместо тарелок пользовались деревянными чашками. После обеда по очереди мыли посуду.

Теснота в камерах была такая, что заниматься чем-нибудь серьезным в свободное от работ время не было возможности, развлекались игрой в шахматы, разговорами. Пущин рассказывал товарищам о Пушкине, читал им стихотворения поэта, сообщал подробности из лицейской жизни.

В Чите Пущин пробыл свыше двух с половиной лет. Жизнь в тюрьме была обставлена сурово, однако еще в августе 1828 года с декабристов сняли кандалы.

Пущин по врожденной доброте своей, при неисчерпаемой любви к друзьям по несчастью, при неизменном оптимизме, наполняющем все его сибирские письма к родным и друзьям, проявлял исключительную доброжелательность и расположение к товарищам. В письмах к сестрам, к Малиновскому, к Энгельгардту он всегда хлопотал за кого-нибудь из товарищей по каторге и ссылке, за их родных, оставшихся в России, за сибирских обывателей.

Пока декабристы мололи муку в Чите и засыпали Чертову могилу, для них в Петровском заводе Иркутской губернии Верхнеудинского уезда строилась специальная тюрьма.

Сначала их хотели расселить в разных местах Сибири почти в одиночку, что имело бы для многих из них губительные последствия. Затем предполагали сослать их в мрачный Ака-туй. Комендант читинской тюрьмы генерал С. Р. Лепарский, которому Николай вверил судьбу осужденных заговорщиков, выхлопотал разрешение выстроить в Петровском тюрьму для совместного поселения всех декабристов. Объяснялось это удобством надзора, возможностью предупредить вредную пропаганду.

Совместная жизнь с друзьями и политическими единомышленниками, с людьми одного умственного уровня и воспитания морально поддерживала декабристов, давала им взаимную нравственную опору, наконец, неимущим предоставляла возможность материальной помощи. Много хорошего внесли в жизнь осужденных прибывшие в Сибирь жены некоторых декабристов.

В середине лета 1830 года ссыльных отправили двумя партиями из Читы в Петровское. Путешествие продолжалось свыше полутора месяцев. В пути стало известно из газет о французской революции. Эту весть отпраздновали пением Марсельезы.

В начале осени обе партии прибыли в Петровский завод, где их ожидала тюрьма, построенная по плану Николая I, – без окон. А. Г. Муравьева и жены других декабристов писали об этом в Петербург своим влиятельным родным. Царь разрешил прорубить окна. Их прорубили, но очень высоко, и, пока по этому поводу велась официальная переписка, узникам пришлось около года пробыть «замурованными», всегда при скверном искусственном освещении.

Постепенно наладились связи с родными, стали приходиться книги и журналы. Устраивались в тюрьме музыкальные вечера. Торжественно отмечался день 14 декабря.

Каторжные работы в Петровском были такие же, как в Чите: мололи зерно на ручных мельницах. Прогулки совершались на большом дворе, где любители разводили животных, цветники, огороды.

Среди сосланных были нуждавшиеся материально. От одних отшатнулись близкие. Другие, особенно члены Общества соединенных славян, были бедны. В Сибири декабристы основали две артели для помощи нуждающимся товарищам: одну – для находящихся в тюрьме или на поселении, другую – для помощи декабристам по освобождению от наказания и их семьям. И. И. Пущин был главным деятелем этих артелей. И. Д. Якушкин, Н. В. Басаргин, Д. И. Завалишин и другие декабристы рассказывают про постоянные хлопоты Пущина по делам артелей. Много упоминаний об этом в письмах Пущина за 40-е и 50-е годы. Он был также щедрым пайщиком артелей. Делами второй артели он занимался по возвращении из Сибири. Много помогал ему в этом Е. И. Якушкин.

В Петровском заводе декабристы устроили нечто вроде вольного университета. Многие пополняли таким образом свои знания в различных областях науки, в языках. Пущин рассказывал здесь о великом поэте, читал и давал переписывать вольнолюбивые стихи Пушкина, способствуя этим распространению их среди сибирского населения.

В каторжных тюрьмах декабристы устраивали также философские собеседования. Среди сосланных на каторгу было несколько человек с ясно выраженным материалистическим мировоззрением: А. П. Барятинский, П. И. Борисов, Н. А. Крюков, И. Д. Якушкин и некоторые другие. Были также в читинской и петровской тюрьмах представители религиозно-мистических взглядов. Они образовали там группу, которой декабристы дали название «Конгрегации». Среди сторонников Конгрегации и материалистов-атеистов велись ожесточенные споры.

И. И. Пущин принимал участие в этих философских собеседованиях и спорах на стороне материалистов и атеистов. Его убеждения отражены во многих письмах, где часто встречаются иронические замечания по поводу формальной религиозности, отрицательные отзывы о представителях церковной обрядности.

Через двенадцать лет каторжных работ, в 1839 году, Пущин был сослан на поселение в город Туринск Тобольской губернии. Климат Туринска вредно влиял на его здоровье. Сразу после приезда он стал просить о переводе в село Урик близ Иркутска, где жил талантливый врач, декабрист Ф. Б. Вольф. Такие вопросы разрешались лично царем, и он отказал в переводе.

Лишь осенью 1840 года Пущин получил возможность выехать для лечения в Тобольск. Не получив облегчения, он вернулся в Туринск.

Родные и друзья продолжали между тем хлопотать о разрешении Пущину переменить место поселения. Канцелярская волокита тянулась долго. В 1842 году Пущин снова получил возможность съездить в Тобольск. Этим временем у него в Туринске 8 сентября родилась дочь. О матери этой девочки говорится в письмах Е. П. Оболенского. Это была молодая якутка Аннушка. Происходила она из бедной семьи. Девочку тоже называли Аннушкой. И. И. Пущин вернулся в Туринск в начале декабря 1842 года и взял дочь к себе. Узаконить положение дочери браком с ее матерью мешала Пущину сословная психология. Но он любил дочь и заботился о ней.

В Ялуторовске, куда Пущину было разрешено переехать, он устроился основательно. Было ясно, что там придется жить без надежды на переезд в другое место. Обстановка в Ялуторовске сложилась в общем не хуже, чем в других поселениях декабристов, принадлежавших к наиболее материально обеспеченной группе участников движения 20-х годов. В колонии вокруг Иркутска (Восточная Сибирь) жили Волконский, Трубецкой и Муравьевы с семьями, Юшневский с женой, Поджио, Вадковский, Муханов. Около Тобольска (Западная Сибирь) и

в самом городе находились тогда Фонвизин с женой, Басаргин, Бригген, Анненков с семьей. Свистунов, С. М. Семенов (ближайший друг Пущина по Москве). В Ялуторовске жили М. И. Муравьев-Апостол с женой, Е. П. Оболенский, И. Д. Якушкин. С ними Пущин сошелся очень близко.

Городок Ялуторовск расположен на левом берегу реки Тобола – самого крупного притока Иртыша. От Ялуторовска до губернского города Тобольска – 339 верст, по местным расстояниям – совсем рядом. Находился Ялуторовск на Сибирском тракте, и проезжающие из Сибири в Россию не могли миновать этого городка.

И. И. Пущин вместе с Оболенским занял один из лучших местных домов – Бронникова. У них жили: няня Аннушки, вольноотпущенная крепостная Варвара Баранова, и старая служанка Михеевна. В доме было просторно, что позволяло ссыльным целыми семьями приезжать в гости к Пущину.

От проезжавших из России в Сибирь чиновников, курьеров, купцов здесь узнавались все новости. Вот почему в переписке декабристов между собою, в их письмах к Пущину его дом называли объединяющим центром.

Главной деятельностью Пущина в каторжных тюрьмах и в ссылке была помощь нуждающимся. Но ему должно быть также отведено место и в истории просвещения Сибири. Он принимал видное участие в знаменитых ялуторовских школах И. Д. Якушкина, учил детей местных жителей у себя на дому, хлопотал об улучшении положения учителей различных местностей Сибири. В воспоминаниях народовольца С. Л. Чудновского имеется рассказ о том, как благоговейно чтили в Ялуторовске в конце XIX столетия память И. И. Пущина за его просветительскую деятельность.

Обосновавшись в 1843 году в Ялуторовске, Пущин жил там до весны 1849 года, повидимому, безвыездно. Но еще в феврале 1848 года он писал Я. Д. Казимирскому, что собирается в Иркутск, и намечал маршрут: Тобольск, Тара, Тюмень, Красноярск. В Иркутске Пущина с нетерпением ждала семья его друзей – Волконских. «Все здесь так дышет тобой, – писал Пущину декабрист П. А. Мухаиов, – и старики и дети все тебя поминают. Ты то умнейший, то честнейший, то любезнейший... всегда в превосходном наклонении».

4 марта 1849 года Пущину было разрешено приехать в Иркутск. При этом иркутскому генерал-губернатору Муравьеву предписывалось установить за «государственным преступником» наблюдение, а как только ему станет лучше – отослать его обратно в Западную Сибирь.

В конце мая Пущин писал в Ялуторовск, что ему удастся иногда «собирать всю тамошнюю колонию воедино».

Поездка Пущина в Иркутск была вызвана болезнью, но не только ею; из его писем видно, как глубоко волновали Пущина революционные события в Западной Европе и аресты участников кружка М. В. Петрашевского в Петербурге. Даже в тех письмах, которые пересылались с оказией, не было возможности изложить все, что хотелось. Поездка в Иркутск дала возможность свободно поговорить с товарищами по ссылке и сибирскими друзьями о всех волновавших его вопросах.

Сердце деятельного участника восстания 14 декабря забилося надеждой: может быть, пришла пора отечеству освободиться от горестного состояния. За выражениями о «комюнистах»-петрашевцах, на первый взгляд скептическими, видно сочувствие старого декабриста революционерам 40-х годов.

Выработанный в феврале 1848 года маршрут был значительно расширен Пущиным во время поездки. Он побывал в Селенгинске – у Бестужевых, в Петровском заводе – у Горбачевского, во многих других местах поселения декабристов, заехал в Кяхту.

В письмах, посылавшихся друзьям за время восьмимесячного отсутствия из Ялуторовска, Пущин сообщал обо всем, что с ним происходило и что он делал: собирал деньги для нуждающегося Д. А. Щепина-Ростовского, хлопотал через своих влиятельных родных в столице

за В. И. Штейнгейля, просил в Тобольском губернском правлении об улучшении положения ялуторовских учителей.

Имеются в путевых письмах Пущина отклики на политические события того времени. Так он выражал негодование по поводу «помощи», оказываемой Николаем I австрийскому императору для подавления национально-освободительного движения Венгрии, и возмущался «странной экспедицией» французов в Рим для содействия врагам национально-освободительного движения итальянцев.

Исполняя распоряжение А. Ф. Орлова, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев сообщил в III отделение, что поселенец Пущин отправлен 2 декабря 1849 года в Ялуторовск. Но вернулся он домой только под Новый год.

Прошло несколько лет. В столицах готовились к коронации Александра II, назначенной на август 1856 года. Родные декабристов, петрашевцев и других «преступников» ждали «милости» со стороны нового царя. Еще в начале года князь П. А. Вяземский посоветовал М. И. Пущину подать царю просьбу о разрешении его брагу вернуться в Россию, но царь отказал в этой просьбе, и Пущин получил амнистию вместе со всеми декабристами по манифесту 26 августа 1856 года.

Бывшим «государственным преступникам» позволили жить под надзором полиции всюду, кроме столиц. Но по просьбе сестры Пущина, Е. И. Набоковой, ему разрешили жить в Петербурге. Там он и прожил у сестры на пригородной даче и у брата Николая с 18 ноября 1856 года до мая 1857 года.

Товарищи по Лицею навещали Пущина. Друзья устраивали торжественные приемы в честь возвращенного декабриста, чествовали его. Это поддерживало его дух, но нажитые в Сибири болезни давали себя знать.

Больной, «настрадавшийся досыта», как он писал тогда Н. Д. Фонвизиной, Пущин продолжал заниматься делами Малой артели, собирал для нее деньги и рассылал их нуждающимся декабристам или семьям умерших участников движения, хлопотал при посредстве связей в правящей среде за И. Д. Якушкина и других декабристов, которым не разрешали жить в Москве. «Мы должны плотнее держаться друг друга, хоть и разлучены», – писал он М. И. Муравьеву-Апостолу из Петербурга.

Не забывал Пущин преемников дела декабристов – революционеров позднейших поколений, проявляя заботу о петрашевце Дурове, стараясь облегчить М. А. Бакунину пребывание в Сибири после освобождения его из крепости.

После долгих раздумий и колебаний Пущин решил соединить свою судьбу с Н. Д. Фонвизиной, вдовой декабриста. Свадьба состоялась 22 мая 1857 года в подмосковной деревне одного из его друзей.

Биограф Пущина, профессор К. Я. Грот, писал о браке Пущина с Фонвизиной: «К этому побудили его, главным образом, семейные обстоятельства, а также, без сомнения, и чувства симпатии к той, которую он знал еще в ссылке и которая пожелала теперь, в его трудном и беспомощном положении, стать для него опорой во всех отношениях». Надо добавить, что пятидесятидвухлетняя Наталья Дмитриевна в браке с Пущиным вовсе не жертвовала собой, как пишет в воспоминаниях о ней М. Д. Францева. Подобно тому, как Пущин в Натальи Дмитриевне, так и Фонвизина искала в нем нравственную поддержку для себя. К Пущину ее влекло и чувство многолетней симпатии.

Пущин поселился в Марьине, но дети его, дочь и сын, родившиеся в Сибири, продолжали жить отдельно.

По возвращении в Россию Пущин сочувственно следил за революционно-пропагандистской деятельностью А. И. Герцена и за его «Колоколом».

Жизнь К. И. Пущина подходила к концу. Он по несколько месяцев бывал прикован к постели. Друзья попережнему навещали его. Отношение возвращенных из Сибири декабристов к Пущину хорошо выразил Г. С. Батеньков в письме к нему от 22 апреля 1858 года: «Пусть окрепший Иван стоит попережнему башней на нашей общинной ратуше. И теперь она, хотя одинокая, все же вмещает в себя лучшее наше справочное место и язык среди чужого, незнакомого населения».

Вернувшись в начале 1859 года из очередной поездки по фонвизинским имениям, Наталья Дмитриевна писала Е. П. и М. М. Нарышкиным, что на мужа страшно смотреть. Никогда он не был так худ и слаб. Болезнь осложнилась, и через три месяца московский губернатор сообщил III отделению, что «3 апреля 1859 года дворянин Иван Иванович Пущин умер». В первый раз встречается здесь в жандармских документах имя бывшего «государственного преступника» в сочетании с отчеством.

«Для всех благородно мыслящих потеря Ивана Ивановича Пущина тяжелым свинцом легла на сердце. Я его лично совершенно не знал, но всех отзыв был один, что он был лучший патриот и лучший человек», – писал декабрист Н. Р. Цебриков, отзываясь на кончину И. И. Пущина. Герцен упрекал в «Колоколе» своих русских корреспондентов, что они поздно известили его о смерти Пущина, но подробного очерка о первом друге великого поэта он так и не получил.¹⁷

Любя литературу, Пущин хранил подлинники революционных произведений Пушкина, Рыльева и других поэтов. Свои «заветные сокровища», как называл Пущин собранные им документы, он не сжег после 14 декабря, как это сделали в ожидании ареста многие участники движения. Пущин сложил все документы в портфель, и они вернулись к нему в 1857 году – после амнистии.

Е. И. Якушкин еще при жизни Пущина начал знакомить русских читателей с его личностью. Публикуя документы из пушкинского собрания «реликвий», Якушкин сообщал факты из его биографии, а затем напечатал его записки о Пушкине.

В настоящем издании, кроме Записок, помещено 256 писем И. И. Пущина, больше половины которых публикуется впервые. До последнего времени их выявлено около семисот. Однако все они не могут быть включены в книгу. Пущин отправлял в иные дни пять, шесть, а то и восемь писем. А таких дней в его сибирской и послесибирской жизни было очень много. Естественно, что в его письмах много повторений, о которых он часто упоминает и сам. Вот почему некоторые письма приводятся здесь в извлечениях.

Больше двух третей из общего числа печатаемых писем относится к тридцатилетнему пребыванию Пущина в тюрьмах и на поселении. В них имеется разнообразный материал для знакомства с историческими и бытовыми условиями, в которых находились первые борцы за свободу народа.

Особый интерес представляют письма к В. Д. Вольховскому и брату Михаилу, показывающие отношение Пущина к Тайному обществу за все время существования последнего, а также письма к Пушкину, где верно отражено политическое содержание душевных бесед друзей в Михайловском уединении великого поэта.

Из писем позднейших лет видно, что измученный каторжной обстановкой, одолеваемый тяжелыми болезнями, нажитыми в ссылке, Пущин сохранил силу духа, любовь к людям, стремление помочь нуждающимся и светлый жизнеутверждающий оптимизм.

Говоря о талантливости Пущина, Герцен имел в виду его Записки. Высокую оценку письмам Пущина давали его корреспонденты. «Я всегда восхищаюсь вашим русским языком», – писала ему 25 января 1840 года М. Н. Волконская.

¹⁷ См. снимок из № 46 «Колокола» за 1859 год с сообщением о кончине И. И. Пущина (стр. 360).

Записки Пущина о дружеских связях с Пушкиным и его письма – первый, основной отдел книги. Второй отдел составляют Приложения.

Значительное место в Приложениях отведено упоминавшемуся выше брату И. И. Пущина – Михаилу. Он был также привлечен к следствию по делу декабристов, осужден за недонесение о заговоре, сослан в Сибирь и отправлен оттуда на Кавказ. М. И. Пущин находился в близких дружеских отношениях с Пушкиным до 14 декабря и оставил Записки о встречах с великим поэтом в 1829 году. Поэт упоминает об этой встрече в «Путешествии в Арзрум».

Записки М. И. Пущина представляют собой документ для характеристики Пушкина в первый период после декабрьского восстания. Написаны они в 1857 году по настоянию Л. Н. Толстого.

В примечаниях, помещенных в конце книги, даются пояснения справочного характера. Справки о лицах, упоминаемых в текстах, И. И. и М. И. Пущиных, даны в аннотированном указателе имен.

С. Штрайх

Записки о Пушкине¹⁸

Если бы при мне должна была случиться несчастная его история... я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достойные России.

Пуц ин – Письмо 14/IV– 1840 г..

Е. И. Якушкину¹⁹

Как быть! Надобно приняться за старину. От вас, любезный друг, молчком не отделаешься – и то уже совестно, что так долго откладывалось давнишнее обещание поговорить с вами на бумаге об Александре Пушкине, как, бывало, говаривали мы об нем при первых наших встречах в доме Бронникова.²⁰ Прошу терпеливо и снисходительно слушать немудрый мой рассказ.

Собираясь теперь проверить былое с некоторою отчетливостью, я чувствую, что очень поспешно и опрометчиво поступил, истребивши в Лицее тогдашний мой дневник, который продолжал с лишком год. Там нашлось бы многое, теперь отуманенное, всплыли бы некоторые заветные мелочи, – печать того времени! Не знаю почему, тогда вдруг мне показалось, что нескромно вынимать из тайника сердца заревые его трепетания, волнения, заблуждения и верования! Теперь самому любопытно бы было заглянуть на себя тогдашнего, с тогдашнею обстановкою; но дело кончено: тетради в печке и поправить беды невозможно.

Впрочем, вы не будете тут искать исключительной точности – прошу смотреть без излишней взыскательности на мои воспоминания о человеке, мне близком с самого нашего детства: я гляжу на Пушкина не как литератор, а как друг и товарищ.

Невольным образом в этом рассказе замешивается и собственная моя личность; прошу не обращать на нее внимания. Придется, может быть, и об Лицее сказать словечко; вы это простите, как воспоминания, до сих пор живые! Одним словом, все сдаю вам, как вылилось на бумагу.²¹

1811 года в августе, числа решительно не помню, дед мой, адмирал Пущин, повез меня и двоюродного моего брата Петра, тоже Пущина, к тогдашнему министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому. Старик, с лишком восьмидесятилетний, хотел непременно сам представить своих внучат, записанных, по его же просьбе, в число кандидатов Лицея, нового заведения, которое самым своим названием поражало публику в России, – не все тогда имели

¹⁸ Записки И. И. Пущина о Пушкине сверены с подлинной рукописью автора, хранящейся в Пушкинском Доме (переплетенная тетрадь в 43 листа большого формата, исписанных с обеих сторон, ф. 244, оп. 17, № 36). Там же хранится копия Записок, сделанная Е. И. Якушкиным (№ 37), и печатный оттиск Записок из журнала «Атеней» за 1859 г., где они были впервые опубликованы Е. И. Якушкиным (ч. II, № 8, март – апрель, стр. 500–537; оттиск неполный – 35 страниц из 38; ф. 244, оп. 17, № 144) В примечаниях указаны наиболее существенные цензурные выкидки из текста Записок при первой публикации.

¹⁹ О том, как Е. И. Якушкин еще в Сибири убеждал И. И. Пущина написать воспоминания о своем совместном учении с Пушкиным в Лицее, см. в Приложениях рассказ Якушкина (стр. 380 и сл.). По возвращении Пущина в Россию Якушкин продолжал настаивать, чтобы Пущин выполнил свой долг перед памятью великого поэта. Так, в письме от 6 февраля 1858 г. он заявлял: «Что, ежели действительно, вернувшись из Смоленска, я найду обещанную мне рукопись, Вы сделаете мне такой подарок, какого приятнее и быть не может» («Летописи Гос. литер. музея», кн. 3, 1938, стр. 476; ср. там же – письмо от 10 апреля 1857 г., стр. 465). О значении Записок Пущина для творческой биографии поэта – в книге Д. Д. Благого «Творческий путь Пушкина», изд. АН СССР, 1950, стр. 47, 98, 156 и др.

²⁰ В доме Бронникова жил Пущин в Ялуторовске, куда приезжал в 1853–1856 гг. Е. И. Якушкин для свидания с отцом, декабристом И. Д. Якушкиным.

²¹ Сообщения И. И. Пущина о том, как он осуществлял свое обещание Е. И. Якушкину, – в письмах к Н. Д. Пущиной и Е. И. Якушкину за 1858 г. № 225, 226, 228, 242 и др.

понятие о колоннадах и ротондах в афинских садах, где греческие философы научно беседовали с своими учениками. Это замечание мое до того справедливо, что потом даже, в 1817 году, когда после выпуска мы, шестеро, назначенные в гвардию, были в лицейских мундирах на параде гвардейского корпуса, подъезжает к нам граф Милорадович, тогдашний корпусный командир, с вопросом: что мы за люди и какой это мундир? Услышав наш ответ, он несколько задумался и потом очень важно сказал окружавшим его: «Да, это не то, что университет, не то, что кадетский корпус, не гимназия, не семинария – это... Лицей!» Поклонился, повернул лошадь и ускакал. – Надобно сознаться, что определение очень забавно, хотя далеко не точно.

Дедушка наш Петр Иванович насилу вошел на лестницу, в зале тотчас сел, а мы с Петром стали по обе стороны возле него, глядя на нашу братью, уже частью тут собранную. Знакомых у нас никого не было. Старик, не видя появления министра, начинал сердиться. Подозвал дежурного чиновника и объявил ему, что андреевскому кавалеру²² не приходится ждать, что ему нужен Алексей Кириллович, а не туалет его. – Чиновник исчез, и тотчас старика нашего с нами повели во внутренние комнаты, где он нас поручил благосклонному вниманию министра, рассыпавшегося между тем в извинениях. Скоро наш адмирал отправился домой, а мы под покровом дяди Рябинина, приехавшего сменить деда, остались в зале, которая почти вся наполнилась вновь наехавшими нашими будущими однокашниками с их провожатыми.

У меня разбежались глаза: кажется, я не был из застенчивого десятка, но тут как-то потерялся – глядел на всех и никого не видал. Вошел какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. – Я слышу: Александр Пушкин! – выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий, или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляда. Еще вглядывался в Горчакова, который был тогда необыкновенно миловиден. При этом передвижении мы все несколько приободрились, начали ходить в ожидании представления министру и начала экзамена. Не припомню кто, – только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником. Я узнал от него, что он живет у дяди на Мойке, недалеко от нас. Мы положили часто видаться. Пушкин, в свою очередь, познакомил меня с Ломоносовым и Гурьевым.

Скоро начали нас вызывать поодиночке в другую комнату, где в присутствии министра начался экзамен, после которого все постепенно разъезжались. Все кончилось довольно поздно.

Через несколько дней Разумовский пишет дедушке, что оба его внука выдержали экзамен, но что из нас двоих один только может быть принят в Лицей на том основании, что правительство желает, чтоб большее число семейств могло воспользоваться новым заведением. На волю деда отдавалось решить, который из его внуков должен поступить. Дедушка выбрал меня, кажется, потому, что у батюшки моего, старшего его сына, семейство было гораздо многочисленнее. Таким образом я сделался товарищем Пушкина. – О его приеме я узнал при первой встрече у директора нашего В. Ф. Малиновского, куда нас неоднократно собирали сначала для снятия мерки, потом для примеривания платья, белья, ботфорт, сапог, шляп и пр. На этих свиданиях мы все больше или меньше ознакомились. Сын директора Иван тут уже был для нас чем-то вроде хозяина.

Между тем, когда я достоверно узнал, что и Пушкин вступает в Лицей, то на другой же день отправился к нему как к ближайшему соседу. С этой поры установилась и постепенно росла наша дружба, основанная на чувстве какой-то безотчетной симпатии. Родные мои тогда жили на даче, а я только туда ездил: большую же часть Бремени проводил в городе, где у профессора Люди занимался разными предметами, чтоб недаром пропадало время до вступления моего в Лицей. При всякой возможности я отыскивал Пушкина, иногда с ним гулял в Летнем

²² П. И. Пущин имел орден Андрея Первозванного.

саду; эти свидания вошли в обычай, так что, если несколько дней меня не видать, Василий Львович, бывало, мне пеняет: он тоже привык ко мне, полюбил меня. Часто, в его отсутствие, мы оставались с Анной Николаевной. Она подчас нас, птенцов, приголубливала; случалось, что и прибранит, когда мы надоедали ей нашими ранновременными шутками. Именно замечательно, что она строго наблюдала, чтоб наши ласки не переходили границ, хотя и любила с нами побалагурить и пошалить, а про нас и говорить нечего: мы просто наслаждались непринужденностью и некоторою свободою в обращении с милой девушкой. С Пушкиным часто доходило до ссоры, иногда сна требовала тут вмешательства и дяди. Из других товарищей видались мы иногда с Ломоносовым и Гурьевым. Madame Гурьева нас иногда и к себе приглашала.

Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил; но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет) с скороспелками, которые по каким-либо обстоятельствам и раньше и легче находят случай чему-нибудь выучиться. Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди, в кругу литераторов, помимо природных его дарований, ускорила его образование, но нисколько не сделала его заносчивым – признак доброй почвы. Все научное он считал ни во что и как будто желал только доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и пр. В этом даже участвовало его самолюбие – бывали столкновения очень неловкие. Как после этого понять сочетание разных внутренних наших двигателей! Случалось точно удивляться переходам в нем: видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же²³ внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее не способный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли. Я был свидетелем такой сцены на Крестовском острове, куда возил нас иногда на ялике гулять Василий Львович.

Среди дела и безделья незаметным образом прошло время до октября. В Лицее все было готово, и нам велено было съезжаться в Царское Село. Как водится, я поплакал, расставаясь с домашними; сестры успокаивали меня тем, что будут навещать по праздникам, а на рождество возьмут домой. Повез меня тот же дядя Рябинин, который приезжал за мной к Разумовскому.

В Царском мы вошли к директору: его дом был рядом с Лицеем. Василий Федорович поцеловал меня, поручил инспектору Пилецкому-Урбановичу отвести в Лицей. Он привел меня прямо в четвертый этаж и остановился перед комнатой, где над дверью была черная дощечка с надписью: № 13. Иван Пущин; я взглянул налево и увидел: № 14. Александр Пушкин. Очень был рад такому соседу, но его еще не было, дверь была заперта. Меня тотчас ввели во владение моей комнаты, одели с ног до головы в казенное, тут приготовленное, и пустили в залу, где уже двигались многие новобранцы.

Мелкого нашего народу с каждым днем прибывало. Мы знакомились поближе друг с другом, знакомились и с роскошным нашим новосельем. Постоянных классов до официального открытия Лицея не было, но некоторые профессора приходили заниматься с нами, предварительно испытывая силы каждого, и таким образом, знакомясь с нами, приучали нас, в свою очередь, к себе.

Все 30 воспитанников собрались. Приехал министр, все осмотрел, делал нам репетицию церемониала в полной форме, то есть вводили нас известным порядком в залу, ставили куда следует по, списку, вызывали и учили кланяться по направлению к месту, где будут сидеть император и высочайшая фамилия. При этом неизбежно были презабавные сцены неловкости и ребяческой наивности.

Настало, наконец, 19 октября – день, назначенный для открытия Лицея. Этот день, памятный нам, первокурсным, не раз был воспет Пушкиным в незабываемых его для нас стихах, знакомых больше или меньше и всей читающей публике.

²³ В рукописи было: «бесится до неистовства», зачеркнуто.

Торжество началось молитвой. В придворной церкви служили обедню и молебен с водосвятием. Мы на хорах присутствовали при служении. После молебна духовенство со святой водою пошло в Лицей, где окропило нас и все заведение.

В лицейской зале, между колоннами, поставлен был большой стол, покрытый красным сукном с золотой бахромой. На этом столе лежала высочайшая грамота, дарованная Лицею. По правую сторону стола стояли мы в три ряда; при нас – директор, инспектор и гувернеры. По левую – профессора и другие чиновники лицейского управления. Остальное пространство залы, на некотором расстоянии от стола, было все уставлено рядами кресел для публики. Приглашены были все высшие сановники и педагоги из Петербурга. Когда все общество собралось, министр пригласил государя. Император Александр явился в сопровождении обеих императриц,²⁴ великого князя Константина Павловича и великой княжны Анны Павловны. Приветствовал все собрание, царская фамилия заняла кресла в первом ряду. Министр сел возле царя.

Среди общего молчания началось чтение. Первый вышел И. И. Мартынов, тогдашний директор департамента министерства народного просвещения. Дребезжащим, тонким голосом прочел манифест об учреждении Лицея и высочайше дарованную ему грамоту. (Единственное из закрытых учебных заведений того времени, которого устав гласил: «Телесные наказания запрещаются». Я не знаю, есть ли и теперь другое, на этом основании существующее.²⁵ Слышал даже, что и в Лицее при императоре Николае разрешено наказывать с родительскою нежностью лозою смирения.)

Вслед за Мартыновым робко выдвинулся на сцену наш директор В. Ф. Малиновский со свертком в руке. Бледный как смерть, начал что-то читать; читал довольно долго, но вряд ли многие могли его слышать, так голос его был слаб и прерывист. Заметно было, что сидевшие в задних рядах начали перешептываться и прислоняться к спинкам кресел. Проявление не совсем ободрительное для оратора, который, кончивши речь свою, поклонился и еле живой возвратился на свое место. Мы, школьники, больше всех были рады, что он замолк: гости сидели, а мы должны были стоя слушать его и ничего не слышать.²⁶

Смело, бодро выступил профессор политических наук А. П. Куницын и начал не читать, а говорить об обязанностях гражданина и воина. Публика при появлении нового оратора, под влиянием предшествовавшего впечатления, видимо, пугалась и вооружилась терпением; но по мере того, как раздавался его чистый, звучный и внятный голос, все оживились, и к концу его замечательной речи слушатели уже были не опрокинуты к спинкам кресел, а в наклоненном положении к говорившему: верный знак общего внимания и одобрения! В продолжение всей речи ни разу не было упомянуто о государе: это небывалое дело так поразило и понравилось императору Александру, что он тотчас прислал Куницыну владимирский крест – награда, лестная для молодого человека, только что возвратившегося, перед открытием Лицея, из-за границы, куда он был послан по окончании курса в Педагогическом институте, и назначенного в Лицей на политическую кафедру.²⁷

Куницын вполне оправдал внимание царя; он был один между нашими профессорами урод в этой семье.

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,

²⁴ Мать Александра I – Мария Федоровна; жена его – Елизавета Алексеевна.

²⁵ Следующая фраза не появилась в 1859 г. в печати по вине цензуры.

²⁶ В. Ф. Малиновский был «бледен как смерть» и волновался потому, что вынужден был читать не свою речь, забракованную министром А. К. Разумовским за ее прогрессивное содержание, а речь, составленную И. И. Мартыновым по приказанию министра в реакционном духе.

²⁷ Пущин ошибочно толкует награждение Куницына как признак благоволения к нему Александра I (см. вступительную статью, стр. 9.)

Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

(Пушкин. Годовщина 19 октября 1825 года.)²⁸

После речей стали нас вызывать по списку; каждый, выходя перед стол, кланялся императору, который очень благосклонно вглядывался в нас и отвечал терпеливо на неловкие наши поклоны.

Когда закончилось представление виновников торжества, царь как хозяин отблагодарил всех, начиная с министра, и пригласил императрицу осмотреть новое его заведение. За царской фамилией двинулась и публика. Нас между тем повели в столовую к обеду, чего, признаюсь, мы давно ожидали. Осмотрев заведение, гости Лицея возвратились к нам в столовую и застали нас усердно трудящимися над супом с пирожками. Царь беседовал с министром. Императрица Марья Федоровна попробовала кушанье. Подошла к Корнилову, оперлась сзади на его плечи, чтобы он не приподнимался, и спросила его: «Карош суп?» Он медвежонком отвечал: «Oui, monsieur!»²⁹ Сконфузился ли он и не знал, кто его спрашивал, или дурной русский выговор, которым сделан был ему вопрос, – только все это вместе почему-то побудило его откликнуться на французском языке и в мужском роде. Императрица улыбнулась и пошла дальше, не делая уже больше любезных вопросов, а наш Корнилов сбики³⁰ же попал на зубок; долго преследовала его кличка: Monsieur.

Императрица Елизавета Алексеевна тогда же нас, юных, пленила непринужденною своею приветливостью ко всем; она как-то умела и успела каждому из профессоров сказать приятное слово.

Тут, может быть, зародилась у Пушкина мысль стихов к ней:

На лире скромной, благородной... и пр.³¹

(Изд. Анненкова, т. 7, стр. 25.

Г. Анненков напрасно относит эти стихи к 1819 году; они написаны в Лицее в 1816 году.)

Константин Павлович у окна щекотал и щипал сестру свою Анну Павловну; потом подвел ее к Гурьеву, своему крестнику, и, стиснувши ему двумя пальцами обе щеки, а третьим вздернув нос, сказал ей: «Рекомендую тебе эту моську. Смотри, Костя, учись хорошенько!»³²

Пока мы обедали – и цари удалились и публика разошлась. У графа Разумовского был обед для сановников; а педагогию петербургскую и нашу, лицейскую, угощал директор в одной из классных зал.

Все кончилось уже при лампах. Водворилась тишина.

Друзья мои, прекрасен наш союз:

²⁸ Все ссылки такого рода в тексте принадлежат Пущину и оставляются в настоящем издании в таком же виде, как они расположены в рукописи. Однако Пущин, приводя в своих Записках стихотворения Пушкина, отступал в некоторых случаях от публикации Анненкова. Так, в стихотворении «19 октября 1827» (стр. 85 наст. издания) у Анненкова (т. II, стр. 436) так же, как и в издании Академии наук СССР, – «помочь» вместо «помощь», «в краю чужом» вместо «в стране чужой».

²⁹ Да, сударь! (*франц.*)

³⁰ Устарелый термин: сразу.

³¹ Здесь и дальше Пущин ссылается на первое критическое издание Сочинений Пушкина (1855–1860) под редакцией П. В. Анненкова, которому И. И. передал некоторые свои материалы. Стихотворение «На лире скромной»... написано в 1818 г.; в издании АН СССР печатается с заглавием «К Н. Я. Плюсковой».

³² При публикации Записок в 1859 г. рассказ о непристойном поведении царского брата, Константина Павловича, в день торжественного акта по случаю открытия Лицея был сильно изменен. В начале абзаца прибавлены слова «великий князь». В тексте «Атенея» он не «щекотал и щипал» сестру, а «шутил и смеялся с нею». Гурьева он назвал не «моськой», а «маской».

Он, как душа, неразделим и вечен,
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных Муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы; нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

(Пушкин. Годовщина 19 октября 1825 года.)

Дельвиг в прощальной песне 1817 года за нас всех вспоминает этот день:

Тебе, наш царь, благодаренье!
Ты сам нас, юных, съединил
И в сем святом уединенье
На службу музам посвятил.

Вечером нас угощали десертом а *discretion*³³ вместо казенного ужина. Кругом Лицея поставлены были плошки, а на балконе горел щит с вензелем императора.

Сбросив парадную одежду, мы играли перед Лицеем в снежки при свете иллюминации и тем заключили свой праздник, не подозревая тогда в себе будущих столпов отечества, как величал нас Куницын, обращаясь в речи к нам. Как нарочно для нас, тот год рано стала зима. Все посетители приехали из Петербурга в санях. Между ними был Е. А. Энгельгардт, тогдашний директор Педагогического института. Он так был проникнут ощущением этого дня и в особенности речью Куницына, что в тот же вечер, возвратясь домой, перевел ее на немецкий язык, написал маленькую статью и все отослал в дерптский журнал.³⁴ Этот почтенный человек не предвидел тогда, что ему придется быть директором Лицея в продолжение трех первых выпусков.

Несознательно для нас самих мы начали в Лицее жизнь совершенно новую, иную от всех других учебных заведений. Через несколько дней после открытия, за вечерним чаем, как теперь помню, входит директор и объявляет нам, что получил предписание министра, которым возбраняется выезжать из Лицея, а что родным дозволено посещать нас по праздникам. Это объявление категорическое, которое, вероятно, было уже предварительно постановлено, но только не оглашалось, сильно отуманило нас всех своей неожиданностью. Мы призадумались, молча посмотрели друг на друга, потом начались между нами толки и даже рассуждения о незаконности такой меры стеснения, не бывшей у нас в виду при поступлении в Лицей. Разумеется, временное это волнение прошло, как проходит постепенно все, особенно в те годы.

Теперь, разбирая беспристрастно это неприятное тогда нам распоряжение, невольно сознаешь, что в нем-то и зародыш той неразрывной, отрадной связи, которая соединяет первокурсных Лицея. На этом основании, вероятно, Лицей и был так устроен, что, по возможности, были соединены все удобства домашнего быта с требованиями общественного учебного заведения.³⁵ Роскошь помещения и содержания, сравнительно с другими, даже с женскими заведениями, могла иметь связь с мыслью Александра, который, как говорили тогда, намерен был воспитать с нами своих братьев, великих князей Николая и Михаила, почти наших сверстни-

³³ Сколько угодно, без ограничения (*франц.*)

³⁴ В Дерпте не было журнала; вероятно, статья напечатана в Германии.

³⁵ Весь дальнейший текст до конца абзаца («Роскошь помещения... плебеями») не был пропущен в печать в 1859 г.

ков по летам; но императрица Марья Федоровна воспротивилась этому, находя слишком демократическим и неприличным сближение сыновей своих, особ царственных, с нами, плебеями.

Для Лицея отведен был огромный, четырехэтажный флигель дворца, со всеми принадлежащими к нему строениями. Этот флигель при Екатерине занимали великие княжны: из них в 1811 году одна только Анна Павловна оставалась незамужнею.

В нижнем этаже помещалось хозяйственное управление и квартиры инспектора, гувернеров и некоторых других чиновников, служащих при Лицее. Во втором – столовая, больница с аптекой и конференц-зала с канцелярией; в третьем – рекреационная зала, классы (два с кафедрами, один для занятий воспитанников после лекций), физический кабинет, комната для газет и журналов и библиотека в арке, соединяющей Лицей со дворцом чрез хоры придворной церкви. В верхнем – дортуары. Для них, на протяжении вдоль всего строения, во внутренних поперечных стенах прорублены были арки. Таким образом, образовался коридор с лестницами на двух концах, в котором с обеих сторон перегородками отделены были комнаты: всего пятьдесят номеров. Из этого же коридора вход в квартиру гувернера Чирикова, над библиотекой.

В каждой комнате: железная кровать, комод, конторка, зеркало, стул, стол для умывания, вместе и ночной. На конторке чернильница и подсвечник со щипцами.

Во всех этажах и на лестницах было освещение ламповое; в двух средних этажах паркетные полы. В зале зеркала во всю стену, мебель штофная.

Таково было новоселье наше!

При всех этих удобствах нам не трудно было привыкнуть к новой жизни. Вслед за открытием начались правильные занятия. Прогулка три раза в день, во всякую погоду. Вечером в зале – мячик и беготня.

Вставали мы по звонку в шесть часов. Одевались, шли на молитву в залу. Утреннюю и вечернюю молитвы читали мы вслух по очереди.

От 7 до 9 часов – класс.

В 9 – чай; прогулка – до 10.

От 10 до 12 – класс.

От 12 до часу – прогулка.

В час – обед.

От 2 до 3 – или чистописание, или рисованье.

От 3 до 5 – класс.

В 5 часов – чай; до 6 – прогулка; потом повторение уроков или вспомогательный класс.

По средам и субботам – танцеванье или фехтованье.

Каждую субботу – баня.

В половине 9 часа – звонок к ужину.

После ужина до 10 часов – рекреация. В 10 – вечерняя молитва – сон.

В коридоре на ночь ставились ночники во всех арках. Дежурный дядька мерными шагами ходил по коридору.

Форма одежды сначала была стеснительна. По будням – синие сюртуки с красными воротниками и брюки того же цвета: это бы ничего; но зато по праздникам – мундир (синего сукна с красным воротником, шитым петлицами, серебряными в первом курсе, золотыми – во втором), белые панталоны, белый жилет, белый галстук, ботфорты, треугольная шляпа – в церковь и на гулянье. В этом наряде оставались до обеда. Ненужная эта форма, отпечаток того времени, постепенно уничтожалась: брошены ботфорты, белые панталоны и белые жилеты заменены синими брюками с жилетами того же цвета; фуражка вытеснила совершенно шляпу, которая надевалась нами только когда учились фронту в гвардейском образцовом батальоне.

Белье содержалось в порядке особою кастеляншей; в наше время была m-me Скалой. У каждого была своя печатная метка: номер и фамилия. Белье переменялось на теле два раза, а у стола и на постель раз в неделю.

Обед состоял из трех блюд (по праздникам четыре). За ужином два. Кушанье было хорошо, но это не мешало нам иногда бросать пирожки Золотареву в бакенбарды. При утреннем чае – крупичатая белая булка, за вечерним – полбулки. В столовой, по понедельникам, выставлялась программа кушаний на всю неделю. Тут совершалась мена порциями по вкусу.

Сначала давали по полустакану портеру за обедом. Потом эта английская система была уничтожена. Мы ограничивались отечественным квасом и чистой водой.

При нас было несколько дядек: они заведовали чистой платью, сапог и прибирали в комнатах. Между ними замечательны были Прокофьев, екатерининский сержант, польский шляхтич Леонтий Кемерский, сделавшийся нашим домашним restaurant. У него явился уголок, где можно было найти конфекты, выпить чашку кофе и шоколаду (даже рюмку ликеру – разумеется, контрабандой). Он иногда, по заказу именинника, за общим столом вместо казенного чая ставил сюрпризом кофе утром или шоколад вечером, со столбушками сухарей. Был и молодой Сазонов, необыкновенное явление физиологическое; Галль нашел бы несомненно подтверждение своей системы в его черепе:

Сазонов был моим слугою
И Пешель доктором моим.

(Стих. Пушкина.)

Слишком долго рассказывать преступление этого парня; оно же и не идет к делу.³⁶

Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской: приготавлилась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвой, обнимались с родными и знакомыми – усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита.

Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями летел...³⁷

(Изд. Анненкова, т. 2, стр. 77.)

Так вспоминал Пушкин это время в 1815 году в стихах на возвращение императора из Парижа.

Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил релянции; Кошанский читал их нам громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов: читались наперерыв русские и иностранные журналы при неумолкаемых толках и прениях; всему живо сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему. Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам недоступное.

Таким образом, мы скоро сжились, свыклись. Образовалась товарищеская семья; в этой семье – свои кружки; в этих кружках начали обозначаться, больше или меньше, личности каждого; близко узнали мы друг друга, никогда не разлучаясь; тут образовались связи на всю жизнь.

³⁶ Лицейский врач Пешель обозначен в рукописи Пущина только буквою «П.». Лицейский служитель Сазонов за два года службы в Лицее совершил в Царском Селе 6 или 7 убийств.

³⁷ Пушкин – «К императору Александру I» (1815). Пущин привел стихи о героических подвигах русских солдат в Бородинском сражении 26 августа 1812 г. и в сражении 17–18 августа 1813 г. при селении Кульм в Чехословакии, где благодаря русским войскам союзники нанесли сильное поражение войскам Наполеона I.

Пушкин с самого начала был раздражительнее многих и потому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей. Не то чтобы он разыгрывал какую-нибудь роль между нами или поражал какими-нибудь особенными странностями, как это было в иных; но иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Это вело его к новым промахам, которые никогда не ускользают в школьных сношениях. Я, как сосед (с другой стороны его номера была глухая стена), часто, когда все уже засыпали, толковал с ним вполголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня; тут я видел ясно, что он по щекотливости всякому вздору приписывал какую-то важность, и это его волновало. Вместе мы, как умели, сглаживали некоторые шероховатости, хотя не всегда это удавалось. В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то и другое невпопад, что тем самым ему вредило.

Бывало, вместе промахнемся, сам вывернешься, а он никак не сумеет этого уладить. Главное, ему доставало того, что называется *тактом*; это – капитал, необходимый в товарищеском быту, где мудрено, почти невозможно при совершенно бесцеремонном обращении уберечься от некоторых неприятных столкновений вседневной жизни. Все это вместе было причиной, что вообще не вдруг отозвались ему на егопривязанность к лицейскому кружку, которая с первой поры зародилась в нем, не проявляясь, впрочем, свойственной ей иногда пошлостью.

Чтоб полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище. Между нами как-то это скоро и незаметно устроилось.

Вот почему, – может быть, Пушкин говорил впоследствии:

Товарищ милой, друг прямой!
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку.
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем,
И *тотчас помиримся*.³⁸

(«Пирующие студенты», изд. Анненкова, т. 2, 1814, стр. 19.)

Потом опять в 1817 году в Альбоме перед самым выпуском, он же сказал мне:

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,

³⁸ Впоследствии это стихотворение было Пушкиным переработано и озаглавлено: «К студентам». В стихотворениях Пушкина, посвященных Пушкину целиком или отдельными строфами, выявлены взаимоотношения друзей и любовь поэта к своему лицейскому товарищу. Они дополняют характеристику личности Пущина, отраженной в его Записках и письмах. В стихотворении «К студентам», имеются еще следующие строки, относящиеся к Пушкину: С тобой тасуюсь без чинов, Люблю тебя душою - Наполним кружку до краев, Рассудок, бог с тобою!..

Что было и не будет вновь...
И с тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой друг! Она прошла... но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен он!³⁹

(Изд. Анненкова, т. 2, стр. 170.)

Лицейское наше шестилетие, в историко-хронологическом отношении, можно разграничить тремя эпохами, резко между собою отличающимися: директорством Малиновского, междуцарствием (то есть управление профессоров: их сменяли после каждого ненормального события) и директорством Энгельгардта.

Не пугайтесь! Я не поведу вас этой длинной дорогой, она нас утомит. Не станем делать изысканий; все подробности всенедней нашей жизни, близкой нам и памятной, должны остаться достоянием нашим; нас, ветеранов Лицея, уже немного осталось, но мы и теперь молодеем, когда, собравшись, заглядываем в эту даль. Довольно, если припомню кой-что, где мелькает Пушкин в разных проявлениях.

При самом начале – он наш поэт. Как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья! опишите мне, пожалуйста, розу стихами».⁴⁰

Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четырехстишия, которые всех нас восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого первого поэтического его лепета. Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 811-м году, и никак не позже первых месяцев 12-го. Упоминаю об этом потому, что ни Бартенев, ни Анненков ничего об этом не упоминают.⁴¹

Пушкин потом постоянно и деятельно участвовал во всех лицейских журналах, импровизировал так называемые народные песни, точил на всех эпиграммы и пр. Естественно, он был во главе литературного движения, сначала в стенах Лицея, потом и вне его, в некоторых современных московских изданиях. Все это обследовано почтенным издателем его сочинений П. В. Анненковым, который запечатлел свой труд необыкновенною изыскательностью, полным знанием дела и горячею любовью к Пушкину – поэту и человеку.⁴²

Из уважения к истине должен кстати заметить, что г. Анненков приписывает Пушкину мою прозу (т. 2, стр. 29, VI). Я говорю про статью «Об эпиграмме и надписи у древних». Статью эту я перевел из Ла Гарпа и просил Пушкина перевести для меня стихи, которые в ней приведены. Все это за подписью П. отправил к Вл. Измайлову, тогдашнему издателю «Вестника Европы». Потом к нему же послал другой перевод, из Лафатера, о *путешествиях*. Тут уж я скрывался под буквами «ъ–ъ». Обе эти статьи были напечатаны. Письма мои передавались на почту из нашего дома в Петербурге; я просил туда же адресоваться ко мне в случае надобности. Измайлов до того был в заблуждении, что, благодаря меня за переводы, просил сообщить ему для его журнала известия о петербургском театре: он был уверен, что я живу в Петербурге и непременно театрал, между тем как я сидел еще на лицейской скамье. Тетради

³⁹ В окончательной редакции – заглавие: «В альбом Пушину» (1817), текст несколько изменен.

⁴⁰ В автографе еще: «Мой стих никак», зачеркнуто.

⁴¹ П. И. Бартенев – в статьях о Пушкине-лицейсте («Моск. ведом.», 1854). П. В. Анненков – в комментариях к Сочинениям Пушкина. Стих. «Роза» – 1815 г.

⁴² Следующий абзац написан Пущиным на отдельном листе с пометой: «Дополнение к 6-му листу» (основного текста Записок).

барона Модеста Корфа ввели Анненкова в ошибку, для меня очень лестную, если бы меня тревожило авторское самолюбие.⁴³

Сегодня расскажу вам историю гоголь-моголя, которая сохранилась в летописях Лицея. Шалость приняла серьезный характер и могла иметь пагубное влияние и на Пушкина и на меня, как вы сами увидите.

Мы, то есть я, Малиновский и Пушкин, затеяли выпить гоголь-моголю. Я достал бутылку рому, добыли яиц, натолкли сахару, и началась работа у кипящего самовара. Разумеется, кроме нас, были и другие участники в этой вечерней пирушке, но они остались за кулисами по делу, а в сущности один из них, а именно Тырков, в котором чересчур подействовал ром, был причиной, по которой дежурный гувернер заметил какое-то необыкновенное оживление, шумливость, беготню. Сказал инспектору. Тот после ужина всмотрелся в молодую свою команду и увидел что-то взвинченное. Тут же начались спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше дело и что мы одни виноваты.

Исправлявший тогда должность директора профессор Гауеншильд донес министру. Разумовский приехал из Петербурга, вызвал нас из класса и сделал нам формальный, строгий выговор. Этим не кончилось, – дело поступило на решение конференции. Конференция постановила следующее:

- 1) две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы;
- 2) сместить нас на последние места за столом, где мы сидели по поведению; и
- 3) занести фамилии наши, с прописанием виновности и приговора, в черную книгу, которая должна иметь влияние при выпуске.

Первый пункт приговора был выполнен буквально.

Второй смягчился по усмотрению начальства: нас, по истечении некоторого времени, постепенно подвигали опять вверх.

При этом случае Пушкин сказал:

Блажен муж, иже

⁴³ Переводы Пущина представляют собой интересный образец его литературного слога, который не только хвалила М. Н. Волконская, но признавал хорошим и сам Пушкин. Приведу из них два небольших отрывка. В статье «Об эпиграмме и надписи у древних» (из Ла Гарпа) читаем: «В новейшие времена эпиграмма, в обыкновенном смысле, означает такой род стихотворения, который особенно сходен с сатирой по насмешке или по критике; даже в простом разговоре колкая шутка называется эпиграммою; но в особенности сим словом означает острая мысль или натуральная простота, которая часто составляет предмет легкого стихотворения. Сие наименование само по себе означает не что иное, как надпись, и оно сохранило у греков свое первоначальное значение... Последняя есть одно из прекраснейших произведений в сем роде: состарившаяся Лаиса приноси г зеркало свое во храм Венеры с сими стихами...» (переведено с французского, напечатано в «Вестнике Европы» за 1814 г., т. 77, № 18, сентябрь, отд. «Искусства», стр. 115–119; подпись: «Перевод – ъ»). Стих, о Лаисе и зеркале в тексте Пущина переведено Пушкиным). В статье «О путешественниках» (из сочинений Лафатера) Пущин писал: «Путешественники по должности... Что может быть человеку драгоценнее точного понятия о тех предметах, которые он желает исследовать? Путешественники по удовольствию... Удовольствия составляют жизнь человеческую. *Наслаждаться – значит уже жить.* Приятность есть цель бытия... Собирайте все, что согласно с расположением вашего сердца... Ученые путешественники... Мудрец умеет найти выгоду во всем умственном... Человек производит все из всего. Он должен наслаждаться всем, и все должно служить к его усовершенствованию... Педант есть не что иное, как служитель ученого... Это скупец без удовольствия... Путешествующие с намерением описывают свои путешествия... Много требуется мудрости и ума, чтоб написать путешествие хорошо, сообразно с истиною и единственно для себя... Я и не думаю требовать, чтобы все, которые пишут путешествия, смотрели на предметы с одной точки зрения и описывали оные одинаким образом... Напротив, ожидаю, прошу и даже требую, чтоб каждый смотрел на вещи собственными глазами... Мы желаем видеть описания подробные, разительные, начертанные искусною рукою и где бы не было пустых мыслей, частых повторений и безумной лести... Повторяю свое мнение и рад говорить вечно, что легче найти квадратуру круга, нежели средство написать *путешествие сообразно с истиною и скромностию*, не введя в замешательство себя самого или какого-нибудь другого честного человека» (переведено с немецкого; напечатано в «Вестнике Европы» за 1814 г., т. 78, № 22, ноябрь, отд. «Изыячная словесность», стр. 77–96; подпись:). Упоминаемые в конце комментируемого отрывка «тетради Корфа» – рукописные сборники лицейских стихов Пушкина, которыми пользовался Анненков для своего издания.

Сидит к каше ближе.⁴⁴

На этом конце стола раздавалось кушанье дежурным гувернером.

Третий пункт, самый важный, остался без всяких последствий. Когда при рассуждениях конференции о выпуске представлена была директору Энгельгардту черная эта книга, где мы трое только и были записаны, он ужаснулся и стал доказывать своим сочленам, что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла бы еще иметь влияние и на будущность после выпуска. Все тотчас согласилось с его мнением, и дело было сдано в архив.⁴⁵

Гоголь-моголь – ключ к посланию Пушкина ко мне:

Помнишь ли, мой брат по чаше.
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом пенистом вине?

Как, укрывшись молчаливо
В нашем тесном уголке,
С Вакхом нежились лениво
Школьной стражи вдалеке?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых.
Рюмок грозное молчанье.
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали.

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно,
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.

Убегаем торопливо;
Вмиг исчез минутный страх!
Щек румяных цвет игривой,
Ум и сердце на устах.

Хохот чистого веселья,
Неподвижный тусклый взор
Изменяли⁴⁶ чад похмелья,

⁴⁴ В Сочинения Пушкина, изд. АН СССР, не введено.

⁴⁵ История с гоголь-моголем произошла в сентябре 1814 г. В журнале «Лицейский мудрец» (1815, № 3) об этом – «Письмо к издателю»; по сходству «Письма» с текстом Записок К. Я. Грот полагает, что оно принадлежит Пущину («Пушкинский Лицей», СПб. 1911, стр. 291).

⁴⁶ В публикации 1859 г. это слово пояснено: «то есть выдавали».

Сладкой Вакха заговор!

О, друзья мои сердечны!
Вам клянуся, за столом
Всякий год, в часы беспечны,
Поминать его вином.⁴⁷

(Изд. Анненкова, т. 2, стр. 217.)

По случаю гоголь-моголя Пушкин экспромтом сказал в подражание стихам И. И. Дмитриева:

(Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон,
По бокалу осушали
И прогнали мудрость вон, и пр.)

Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали
И Фому прогнали вон...⁴⁸

Фома был дядька, который купил нам ром. Мы кой-как вознаградили его за потерю места. Предполагается, что песню поет Малиновский, его фамилию не вломаешь в стих. Барон – для рифмы, означает Дельвига.

Были и карикатуры, на которых из-под стола выглядывали фигуры тех, которых нам удалось скрыть.

Вообще это пустое событие (которым, разумеется, нельзя было похвастать) наделало тогда много шума и огорчило наших родных, благодаря премудрому распоряжению начальства. Все могло окончиться домашним порядком, если бы Гауеншильд и инспектор Фролов не задумали формальным образом донести министру.

Сидели мы с Пушкиным однажды вечером в библиотеке у открытого окна. Народ выходил из церкви от всенощной; в толпе я заметил старушку, которая о чем-то горячо с жестами рассуждала с молодой девушкой, очень хорошенькой. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чем так горячатся они, о чем так спорят, идя от молитвы? Он почти не обратил внимания на мои слова, всмотрелся, однако, в указанную мною чету и на другой день встретил меня стихами:

От всенощной, вечер, идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
– Постой, кричит, управлюсь я с тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,

⁴⁷ В изд. АН СССР – с заглавием «Воспоминание (к Пущину)» (1815). В Записках приведено полностью, с мелкими отличиями в знаках препинания.

⁴⁸ Остальных стрóf не помню; этому с лишком сорок лет. (Примеч. Пущина.) В изд. АН СССР – 1814 г. Пущин по памяти неправильно приписал первое 4-стишие Дмитриеву. Это начало оды Д. В. Давыдова «Мудрость». 4-й стих – неправилен; у автора: «и просили Мудрость вон» (Денис Давыдов, Полное собр. стихотворений, ред. В. Н. Орлова, 1933, стр. 77).

Ты с крестником Ванюшею шалила.
Постой – о всем узнает муженек!
«Тебе ль грозить, – Марфушка отвечает, —
Ванюша что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна;
Словами ж всякого, пожалуй, разобидишь.
В чужой... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна».⁴⁹

«Вот что ты заставил меня написать, любезный друг», – сказал он, видя, что я несколько призадумался, выслушав его стихи, в которых поразило меня окончание. В эту минуту подошел к нам Кайданов, – мы собирались в его класс. Пушкин и ему прочел свой рассказ.

Кайданов взял его за ухо и тихонько сказал ему: «Не советую вам, Пушкин, заниматься такой поэзией, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пущин, не давайте волю язычку», – прибавил он, обратясь ко мне. Хорошо, что на этот раз подвернулся нам добрый Иван Кузьмич, а не другой кто-нибудь.

Впрочем, надо сказать: все профессора смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина. В математическом классе вызвал его раз Карцов к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карпов спросил его, наконец: «Что ж вышло? Чему равняется x [икс]?» Пушкин, улыбаясь, ответил: «Нулю!» – «Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи». Спасибо и Карпову, что он из математического фанатизма не вел войны с его поэзией. Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына, и то совершенно по-своему: уроков никогда не повторял, мало что записывал, а чтобы переписывать тетради профессоров (печатных руководств тогда еще не существовало), у него и в обычае не было: все делалось *a livre ouvert*.⁵⁰

На публичном нашем экзамене⁵¹ Державин, державным своим благословением, увенчал юного нашего поэта. Мы все, друзья-товарищи его, гордились этим торжеством. Пушкин тогда читал свои «Воспоминания в Царском Селе» (изд. Анненкова, т. 2, стр. 81). В этих великолепных стихах затронуто все живое для русского сердца. Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегает у меня. Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах бросился целовать его и осенил кудрявую его голову, мы все под каким-то неведомым влиянием благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его уже не было: он убежал!.. Все это уже рассказано в печати.

Вчера мне Маша приказала
В куплеты рифмы набросать
И мне в награду обещала
Спасибо в прозе написать, и пр.⁵²

(Изд. Анненкова, т. 2, стр. 213.)

⁴⁹ П. А. Вяземский заявляет по поводу этого стихотворения: «Едва ли Пушкина, кроме двух последних стихов, все прочее довольно («Стар, и новизна», VIII, 1904, стр 34). Включено в изд. АН СССР (т. I, 1937, стр. 283) с некоторыми разночтениями по другим спискам; отнесено к 1814–1817 гг.

⁵⁰ Без подготовки, с листа (*франц.*).

⁵¹ Имеется в виду публичный акт 8 января 1815 г. Упоминаемое дальше стихотворение Пушкина написано в 1814 г

⁵² Начало стих. «К Маше» (1816), сестре А. А. Дельвига.

Стихи эти написаны сестре Дельвига, премилой, живой девочке, которой тогда было семь или восемь лет. Стихи сами по себе очень милы, но для нас имеют свой особый интерес. Корсаков положил их на музыку, и эти стансы пелись тогда юными девицами почти во всех домах, где Лицей имел право гражданства.

«Красавице, которая нюхала табак» (изд. Анненкова, т. 2, стр. 17), – писано к Горчакова сестре, княгине Елене Михайловне Кантакузиной. Вероятно, она и не знала и не читала этих стихов, плод разгоряченного молодого воображения.⁵³

К живописцу

Дитя харит, воображенья!
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердце напиши, и пр.

(Изд. Анненкова, т. 2, стр. 69.)

Пушкин просит живописца написать портрет К. П. Бакуниной, сестры нашего товарища. Эти стихи – выражение не одного только его страдавшего тогда сердечка!..⁵⁴

Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкин читал нам своих *Пирующих студентов*. Он был в лазарете и пригласил нас прослушать эту пиэсу. После вечернего чая мы пошли к нему гурьбой с гувернером Чириковым.

Началось чтение:

Друзья! Досужный час настал,
Все тихо, все в покое, и пр..⁵⁵

Внимание общее, тишина глубокая по временам только прерывается восклицаниями. Кюхельбекер просил не мешать, он был весь тут, в полном упоении... Доходит дело до последней строфы. Мы слышим:

Писатель! За твои грехи
Ты с виду всех трезвее:
Вильгельм! прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

При этом возгласе публика забывает поэта, стихи его, бросается на бедного метромана, который, растаявши под влиянием поэзии Пушкина, приходит в совершенное одурение от неожиданной эпиграммы и нашего дикого натиска. Добрая душа был этот Кюхель! Опомнившись, просит он Пушкина еще раз прочесть, потому что и тогда уже плохо слышал одним ухом, испорченным золотухой.

Послание ко мне:

⁵³ Стихотворение – 1814 г. У Пущина неточность: «Канта «кузеной».

⁵⁴ Посвящено Е. П. Бакуниной (1815), обращено к А. Д. Илличевскому, недурно рисовавшему. В изд. АН СССР 1-я строка так: «Дитя Харит и вображенья». *Страдало также сердечко* Пущина. Об этом – в первоначальной редакции пушкинского «19 октября», 1825: «Как мы впервые все трое полюбили».

⁵⁵ См. в тексте – примеч. 38.

Любезный, именинник, и проч.⁵⁶ —

не требует пояснений. Оно выражает то же чувство, которое отрадно проявляется во многих других стихах Пушкина. Мы с ним постоянно были в дружбе, хотя в иных случаях разное смотрели на людей и вещи; откровенно сообщая друг другу противоречащие наши воззрения,⁵⁷ мы все-таки умели их сгармонизировать и оставались в постоянном согласии. Кстати, тут расскажу довольно оригинальное событие, по случаю которого пришлось мне много спорить с ним за Энгельгардта.

У дворцовой гауптвахты, перед вечернею зарей, обыкновенно играла полковая музыка. Это привлекало гулявших в саду, разумеется и нас; l'inevitable Lycée,⁵⁸ как называли иные нашу шумную движущуюся толпу. Иногда мы проходили к музыке дворцовым коридором, в который, между другими помещениями, был выход и из комнат, занимаемых фрейлинами императрицы Елизаветы Алексеевны. Этих фрейлин было тогда три: Плюскова, Валуева и кн[яжна] Волконская. У Волконской была премиленькая горничная Наташа. Случалось, встретиться с нею в темных переходах коридора, и полюбезничать — она многих из нас знала, да и кто не знал Лицея, который мозолил глаза всем в саду?

Однажды идем мы, растянувшись по этому коридору маленькими группами. Пушкин на беду был один, слышит в темноте шорох платья, воображает, что это непременно Наташа, бросается поцеловать ее самым невинным образом. Как нарочно, в эту минуту отворяется дверь из комнаты и освещает сцену: перед ним сама кн[яжна] Волконская. Что делать ему? Бежать без оглядки; но этого мало, надобно поправить дело, а дело неладно! Он тотчас рассказал мне про это, присоединясь к нам, стоявшим у оркестра. Я ему посоветовал открыться Энгельгардту и просить его защиты. Пушкин никак не соглашался довериться директору и хотел написать княжне извинительное письмо. Между тем она успела пожаловаться брату своему, П. М. Волконскому, а Волконский — государю.

Государь на другой день приходит к Энгельгардту. Что ж это будет? — говорит царь. — Твои воспитанники не только снимают через забор мои наливные яблоки, бьют сторожей садовника Лямина (точно, была такого рода экспедиция, где действовал на первом плане граф Сильвестр Броглио, теперь сенатор Наполеона III⁵⁹), но теперь уж не дают проходу фрейлинам жены моей».

Энгельгардт, своим путем, знал о неловкой выходке Пушкина, может быть и от самого Петра Михайловича, который мог сообщить ему это в тот же вечер. Он нашелся и отвечал императору Александру: «Вы меня предупредили, государь, я искал случая принести вашему величеству повинную за Пушкина: он, бедный, в отчаянии; приходил за моим позволением письменно просить княжну, чтоб она великодушно простила ему это неумышленное оскорбление». Тут Энгельгардт рассказал подробности дела, стараясь всячески смягчить вину Пушкина, и присовокупил, что сделал уже ему строгий выговор и просит разрешения насчет письма. На это ходатайство Энгельгардта государь сказал: «Пусть пишет, уж так и быть, я беру на себя адвокатство за Пушкина; но скажи ему, чтоб это было в последний раз. «La vieille est peut-être enchantée de la méprise du jeune homme, entre nous soit dit»,⁶⁰ — шепнул император,

⁵⁶ Так начинается стихотворение «К Пущину» (1815) с подзаголовком «4 мая»; но это день рождения И. И., именины его — 9 мая.

⁵⁷ В рукописи после этого густо зачеркнуто несколько строк; в этом абзаце зачеркнуто еще несколько отдельных строк.

⁵⁸ Неминуемый, неизбежный Лицей (*франц.*).

⁵⁹ Это сведение о Броглио оказалось несправедливым; он был избран французскими филеленами в начальники и убит в Греции в 1829 году (пояснение И. И. Пущина).

⁶⁰ Между нами: старая дева, быть может, в восторге от ошибки молодого человека (*франц.*).

улыбаясь, Энгельгардту. Пожал ему руку и пошел догонять императрицу, которую из окна увидел в саду.

Таким образом, дело кончилось необыкновенно хорошо. Мы все были рады такой развязке, жалея Пушкина и очень хорошо понимая, что каждый из нас легко мог попасть в такую беду. Я, с своей стороны, старался доказать ему, что Энгельгардт тут действовал отлично; он никак не сознавал этого, все уверял меня, что Энгельгардт, защищая его, сам себя защищал. Много мы спорили; для меня оставалось неразрешенною загадкой, почему все внимания директора и жены его отвергались Пушкиным: он никак не хотел видеть его в настоящем свете, избегая всякого сближения с ним. Эта несправедливость Пушкина к Энгельгардту, которого я душой полюбил, сильно меня волновала. Тут крылось что-нибудь, чего он никак не хотел мне сказать; наконец, я перестал и настаивать, предоставляя все времени. Оно одно может вразумить в таком непонятном упорстве.⁶¹

Невозможно передать вам всех подробностей нашего шестилетнего существования в Царском Селе: это было бы слишком сложно и громоздко – тут смесь и дельного и пустого. Между тем вся эта пестрота имела для нас свое очарование. С назначением Энгельгардта в директоры школьный наш быт принял иной характер: он с любовью принялся за дело. При нем по вечерам устроились чтения в зале (Энгельгардт отлично читал). В доме его мы знакомились с обычаями света, ожидавшего нас у порога Лицея, находили приятное женское общество. Летом, в вакантный месяц, директор делал с нами дальние, иногда двухдневные прогулки по окрестностям; зимой для развлечения ездили на нескольких тройках за город завтракать или пить чай в праздничные дни; в саду, за прудом, катались с гор и на коньках. Во всех этих увеселениях участвовало его семейство и близкие ему дамы и девицы, иногда и приезжавшие родные наши. Женское общество всему этому придавало особенную прелесть и приучало нас к приличию в обращении. Одним словом, директор наш понимал, что запрещенный плод – опасная приманка и что свобода, руководимая опытной дружбой, останавливает юношу от многих ошибок. От сближения нашего с женским обществом зарождался платонизм в чувствах: этот платонизм не только не мешал занятиям, но придавал даже силы в классных трудах, нашептывая, что успехом можно порадовать предмет вздыханий.

Пушкин клеймил своим стихом лицейских сердечкиных, хотя и сам иногда попадал в эту категорию.

Раз на зимней нашей прогулке в саду, где расчищались кругом пруда дорожки, он говорит Есакову, с которым я часто ходил в паре:

И останешься с вопросом
На берегу замерзлых вод:
Мамзель Шредер с красным носом
Милых Вельо не ведет?⁶²

Так точно, когда я перед самым выпуском лежал в больнице, он как-то успел написать мелом на дощечке у моей кровати:

Вот здесь лежит больной студент —
Судьба его неумолима!
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!

⁶¹ Пущин по своему добродушию и по личным отношениям к Энгельгардту приписывал директору Лицея чрезмерную любовь к Пушкину. На самом деле Энгельгардт относился к Пушкину даже в официальных отзывах отрицательно (см. примеч. 55).

⁶² Четверостишие 1816–1817 гг. В изд. АН СССР – по тексту Пущина; автограф Пушкина не найден.

Я нечаянно увидел эти стихи над моим изголовьем и узнал исковерканный его почерк. Пушкин не сознавался в этом экспромте.⁶³

Слишком за год до выпуска государь спросил Энгельгардта: есть ли между нами желающие в военную службу? Он отвечал, что чуть ли не более десяти человек этого желают (и Пушкин тогда колебался, но родные его были против, опасаясь за его здоровье). Государь на это сказал: «В таком случае надо бы познакомить их с фронтом». Энгельгардт испугался и напрямик просил императора оставить Лицей,⁶⁴ если в нем будет ружье. К этой просьбе присовокупил, что он никогда не носил никакого оружия, кроме того, которое у него всегда в кармане, — и показал садовый ножик. Долго они торговались; наконец, государь кончил тем, что его не переспоришь. Велел опросить всех и для желающих быть военными учредить класс военных наук. Вследствие этого приказания поступил к нам инженерный полковник Эльснер, бывший адъютант Костюшки, преподавателем артиллерии, фортификации и тактики.⁶⁵

Было еще другого рода нападение на нас около того же времени. Как-то в разговоре с Энгельгардтом царь предложил ему посылать нас дежурить при императрице Елизавете Алексеевне во время летнего ее пребывания в Царском Селе, говоря, что это дежурство приучит молодых людей быть развязнее в обращении и вообще послужит им в пользу. Энгельгардт и это отразил, доказав, что, кроме многих неудобств, придворная служба будет отвлекать от учебных занятий и попрепятствует достижению цели учреждения Лицея. К этому он прибавил, что в продолжение многих лет никогда не видал камер-пажа ни на прогулках, ни при выездах царствующей императрицы.

Между нами мнения насчет этого нововведения были различны: иные, по суетности и лени, желали этой лакейской должности; но дело обошлось одними толками, и, не знаю почему, из этих толков о сближении с двором выкроилась для нас верховая езда. Мы стали ходить два раза в неделю в гусарский манеж, где на лошадях запасного эскадрона учились у полковника Кнабенау, под главным руководством генерала Левашова, который и прежде того, видя нас часто в галерее манежа во время верховой езды своих гусар, обращался к нам с приветом и вопросом: когда мы начнем учиться ездить? Он даже попал по этому случаю в куплеты лицейской песни. Вот его куплет:

Bonjour, monsieur! Потише —
Поводьем не играй —
Вот я тебя потешу!..
A quand l'équitation?⁶⁶

Вот вам выдержки из хроники нашей юности. Удовольствуйтесь ими! Может быть, когда-нибудь появится целый ряд воспоминаний о лицейском своеобразном быте первого курса, с очерками личностей, которые потом заняли свои места в общественной сфере; большая часть из них уже исчезла, но оставила отрадное памятование в сердцах не одних своих товарищей.

В мае начались выпускные публичные экзамены.⁶⁷ Тут мы уже начали готовиться к выходу из Лицея. Разлука с товарищеской средой была тяжела, хотя ею должна была начаться всегда желанная эпоха жизни, с заманчивой, незнакомой далью. Кто не спешил в тогдашние

⁶³ В изд. АН СССР — под заглавием «Надпись на стене больницы» (1817); в 1-й строке там: «Его судьба неумолима».

⁶⁴ То есть Энгельгардт просил уволить его из Лицея.

⁶⁵ Весь следующий абзац и часть второго («Было еще другого рода... верховая езда») не могли появиться в 1859 г. в печати по цензурным условиям; выброшены были также куплеты о Левашове.

⁶⁶ Когда же [будем заниматься] верховой ездой? (*франц.*)

⁶⁷ Выпускные экзамены первого курса лицеистов происходили в 1817 г.

наши годы соскочить со школьной скамьи; но наша скамья была так заветно-приветлива, что невольно, даже при мысли о наступающей свободе, оглядывались мы на нее. Время проходило в мечтах, прощаньях и обетах, сердце дробилось!

Судьба на вечную разлуку,
Быть может, породнила нас!

(«Прощальная песнь» Дельвига.)

Наполнились альбомы и стихами и прозой. В моем остались стихи Пушкина. Они уже приведены вполне на 6-м листе этого рассказа.

Дельвига:

Прочтя сии набросанные строки
С небрежностью на памятном листке,
Как не узнать поэта по руке?
Как первые не вспомнать уроки
И не сказать при дружеском столе:
«Друзья, у нас есть друг и в Хороле!»⁶⁸

Дельвиг после выпуска поехал в Хороль, где квартировал отец его, командовавший бригадой во внутренней ставке.

Илличевского стихов не могу припомнить; знаю только, что они все кончались рифмой на Пущин. Это было очень оригинально.⁶⁹

К прискорбию моему, этот альбом, исписанный и изрисованный, утратился из допотопного моего портфеля, который дивным образом возвратился ко мне через тридцать два года со всеми положенными мною рукописями.

9 июня был акт. Характер его был совершенно иной: как открытие Лицея было пышно и торжественно, так выпуск наш тих и скромно. В ту же залу пришел император Александр в сопровождении одного тогдашнего министра народного просвещения князя Голицына. Госу-

⁶⁸ Это послание Дельвига к Пушкину опубликовано в 1817 г. (А. А. Дельвиг, Сочинения, ред. Б. В. Томашевского, 1934, стр. 289 и 471). В собрании бумаг Пушкина сохранилось неопубликованное послание к нему А. А. Дельвига в подлинной рукописи автора (ЦГИА, ф. 279, оп. 1, № 252). Послание на двух листах большого почтового формата, исписанных с обеих сторон; бумага старинная. Правописание сохранено; восьмистишия отделены линиями. Относится, по видимому, к лицейскому периоду. На первой странице, вдоль текста, слева – надпись И. И. Пущина: «Лицей». К И. И. Пушкину (4-го мая) О друг! в сей незабвенный час Пади перед Пенатом И, съедина с друзьями глас, Фалернским, непечатом Фиал наполнивши вином, Излей перед богами, Да благо на пути твоём Прольют они реками, Держа могущею рукой Твой Пестун и хранитель, Еще от младости златой Твой был путеводитель. И ты без трепета протек Цветущею стезёю, И в юность он тебя вовлек Могущею рукою. И вся природа пред тобой Свой вид переменяла! Бывало, к розе полевой Тебя игра манила. И с лепетаньем ветерок Меж розами скрывался, Срывая с рук твоих цветов, Тобою забавлялся. А ныне грудь твоя полна Неизъяснимой силой, Везде душа твоя одна, Везде с мечтой унылой. И позабыл ты звук мечей И копий ряд летящий, И уж не льстит душе твоей Фортуны шар парящий. И Гений днесь тебя влечет Волшебною долиной, Где Купол к небесам несёт Над страшною пучиной. В сени дубрав Киприды храм С паросскими столпами И пред богиней фимиама Возносится с мольбами. Амура загремит стрела! И нимф младых подруга Тебе с улыбкой уж дала Название супруга. Друзья придут в твой светлый дом, И, младость вспоминая, Наполнит чаши нам вином Твоя жена младая!.. Дельвиг В лицейскую годовщину 19 октября 1826 г. Дельвиг посвятил Кюхельбекеру и Пушкину два четверостишия в стих. «Снова, други, в братский круг...» О близости Дельвига к декабристской среде – в «Ист. русской литературы» (VI, 1953, стр. 401 и сл.); об участии его в Священной артели – в исследовании М. В. Нечкиной «Движение декабристов», М. 1955, т. I, стр. 125.

⁶⁹ Стих. Илличевского не обнаружено.

дарь не взял с собой даже князя П. М. Волконского, который, как все говорили, желал быть на акте.

В зале были мы все с директором, профессорами, инспектором и гувернерами. Энгельгардт прочел коротенький отчет за весь шестилетний курс, после него конференц-секретарь Куницын возгласил высочайше утвержденное постановление конференции о выпуске. Вслед за этим всех нас, по старшинству выпуска, представляли императору с объяснением чинов и наград.

Государь заключил акт кратким отеческим наставлением воспитанникам и изъявлением благодарности директору и всему штату Лицея.

Тут пропета была нашим хором лицейская прощальная песнь, – слова Дельвига, музыка Теппера, который сам дирижировал хором. Государь и его не забыл при общих наградах.

Он был тронут и поэзией и музыкой, понял слезу на глазах воспитанников и наставников.⁷⁰ Простился с нами с обычной приветливостью и пошел во внутренние комнаты, взяв князя Голицына под руку. Энгельгардт предупредил его, что везде беспорядок по случаю сборов к отъезду. «Это ничего, – возразил он, – я сегодня не в тестах у тебя. Как хозяин, хочу посмотреть на сборы наших молодых людей». И точно, в дортуарах все было вверх дном, везде валялись вещи, чемоданы, ящики, – пахло отъездом! При выходе из Лицея государь признательно пожал руку Энгельгардту.

В тот же день, после обеда, начали разъезжаться: прощаньям не было конца. Я, больной, дольше всех оставался в Лицее. С Пушкиным мы тут же обнялись на разлуку: он тотчас должен был ехать в деревню к родным; я уж не застал его, когда приехал в Петербург.

Снова встретился с ним осенью, уже в гвардейском конно-артиллерийском мундире. Мы шестеро учились фрунгу в гвардейском образцовом батальоне; после экзамена, сделанного нам Клейнмихелем в этой науке, произведены были в офицеры высочайшим приказом 29 октября. Между тем как товарищи наши, поступившие в гражданскую службу, в июне же получили назначение; в том числе Пушкин поступил в коллегия иностранных дел и тотчас взял отпуск для свидания с родными.⁷¹

Встреча моя с Пушкиным на новом нашем поприще имела свою знаменательность. Пока он гулял и отдыхал в Михайловском, я уже успел поступить в Тайное общество; обстоятельства так расположили моей судьбой! Еще в лицейском мундире я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михайло), Бурцов, Павел Колошин и Семенов. С Колошиным я был в родстве. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком: я сдружился с ним, почти жил в нем. Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня и Вольховского, который, поступив в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил.

Эта высокая цель жизни самой своей таинственностью и начертанием новых обязанностей резко и глубоко проникла душу мою – я как будто вдруг получил особенное значение в собственных своих глазах: стал внимательнее смотреть на жизнь во всех проявлениях буйной

⁷⁰ Корф сообщает в заметках 1854 г., что Александр I ушел с акта до пения стихов Дельвига (Я. К. Грот, Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, СПб. 1899, стр. 222 и сл.).

⁷¹ Рассказ Пущина о своем участии в Тайном обществе, о своем взгляде на привлечение Пушкина к заговору не мог появиться в 1859 г. в печати по цензурным условиям (все шесть абзацев: «Встреча моя с Пушкиным...» – «Конечно, болтовня», стр. (68–70). Дальше – еще выкидки цензурного свойства. Об отношении Пушкина к участникам Тайного общества и заговорщиков к поэту см. вступительную статью

молодости, наблюдал за собою, как за частицей, хотя ничего не значущей, но входящей в состав того целого, которое рано или поздно должно было иметь благотворное свое действие.

Первая моя мысль была – открыться Пушкину: он всегда согласно со мною мыслил о деле общем (*respub-lica*), по-своему проповедовал в нашем смысле – и изустно и письменно, стихами и прозой. Не знаю, к счастью ли его, или несчастью, он не был тогда в Петербурге, а то не ручаюсь, что в первых порывах, по исключительной дружбе моей к нему, я, может быть, увлек бы его с собою. Впоследствии, когда думалось мне исполнить эту мысль, я уже не решался вверить ему тайну, не мне одному принадлежавшую, где малейшая неосторожность могла быть пагубна всему делу. Подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми ненадежными пугали меня. К тому же в 1818 году, когда часть гвардии была в Москве по случаю приезда прусского короля, столько было опрометчивых действий одного члена общества, что признали необходимым делать выбор со всею строгостию, и даже, несколько лет спустя, объявлено было об уничтожении общества, чтобы тем удалить неудачно принятых членов. На этом основании я присоединил к союзу одного Рыльева, несмотря на то, что всегда был окружен многими разделяющими со мной мой образ мыслей.

Естественно, что Пушкин, увидя меня после первой нашей разлуки, заметил во мне некоторую перемену и начал подозревать, что я от него что-то скрываю. Особенно во время его болезни и продолжительного выздоровления, выдаясь чаще обыкновенного, он затруднял меня вопросами и расспросами, от которых я, как умел, отделялся, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели: тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его *Деревня*, *Ода на свободу*. *Ура! В Россию скачет...* и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов.

Нечего и говорить уже о разных его выходках, которые везде повторялись; например, однажды в Царском Селе Захаржевского медвежонок сорвался с цепи от столба,⁷² на котором устроена была его будка, и побегал в сад, где мог встретиться глаз на глаз, в темной аллее, с императором, если бы на этот раз не встрепенулся его маленький шарло и не предостерег бы от этой опасной встречи. Медвежонок, разумеется, тотчас был истреблен, а Пушкин при этом случае, не обинюясь, говорил: «Нашелся один добрый человек, да и тот медведь!» Таким же образом он во всеуслышание в театре кричал: «Теперь самое безопасное время – по Неве идет лед». В переводе: нечего опасаться крепости.

Конечно, болтовня эта – вздор; но этот вздор, похожий несколько на поддразнивание, переходил из уст в уста и порождал разные толки, имевшие дальнейшее свое развитие; следовательно, и тут даже некоторым образом достигалась цель, которой он несознательно содействовал.

Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра *около* Орлова, Чернышева, Киселева и других: они с покровительственной улыбкой выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак, он тотчас прибежит. Говоришь, бывало: «Что тебе за охота, любезный друг, возиться с этим народом; ни в одном из них ты не найдешь сочувствия, и пр.» Он терпеливо выслушает, начнет шекотать, обнимать, что, обыкновенно, делал, когда немножко потеряется. Потом смотришь: Пушкин опять с тогдашними львами! Извините! (Анахронизм! тогда не существовало еще этого аристократического прозвища).⁷³

Странное смешение в этом великолепном создании! Никогда не переставал я любить его; знаю, что и он платил мне тем же чувством; но невольно, из дружбы к нему, желалось, чтобы

⁷² После этого автором густо зачеркнуто в рукописи несколько слов.

⁷³ Ср. с таким же рассказом Пущина в рассказе Е. И. Якушкина (Приложения).

он, наконец, настоящим образом взглянул на себя и понял свое призвание. Видно, впрочем, что не могло и не должно было быть иначе; видно, нужна была и эта разработка, коловшая нам, слепым, глаза.

Не заключайте, пожалуйста, из этого ворчанья, чтобы я когда-нибудь был спартанцем, каким-нибудь Катонем, – далеко от всего этого: всегда шалил, дурил и кутил с добрым товарищем. Пушкин сам увековечил это стихами ко мне; но при всей моей готовности к разгулу с ним хотелось, чтобы он не переступал некоторых границ и не профанировал себя, если можно так выразиться, сближением с людьми, которые, по их положению в свете, могли волею и неволею набрасывать на него некоторого рода тень.

Между нами было и не без шалостей. Случалось, зайдет он ко мне. Вместо «здравствуй», я его спрашиваю: «От нее ко мне или от меня к ней?» Уж и это надо вам объяснить, если пустился болтать.

В моем соседстве, на Мойке, жила Анжелика – прелесть полька!

На прочее завеса!⁷⁴

(*Стих. Пушкина.*)

Возвратясь однажды с ученья, я нахожу на письменном столе развернутый большой лист бумаги. На этом листе нарисована пером знакомая мне комната, трюмо, две кушетки. На одной из кушеток сидит развалившись претолстая женщина, почти портрет безобразной тетki нашей Анжелики. У ног ее – *стрикс*, маленькая несносная собачонка.

Подписано: «От нее ко мне или от меня к ней?»

Не нужно было спрашивать, кто приходил. Кроме того, я понял, что этот раз Пушкин и ее не застал.

Очень жаль, что этот смело набросанный очерк в разгроме 1825 года не уцелел, как некоторые другие мелочи. Он стоил того, чтобы его литографировать.⁷⁵

Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу общества было, когда он встретился со мною у Н. И. Тургенева, где тогда собирались все желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала. Тут между прочим были Куницын и наш лицейский товарищ Маслов. Мы сидели кругом большого стола. Маслов читал статью свою о статистике. В это время я слышу, что кто-то сзади берет меня за плечо. Оглядываюсь – Пушкин! «Ты что здесь делаешь? Наконец, поймал тебя на самом деле», – шепнул он мне на ухо и прошел дальше. Кончилось чтение. Мы встали. Подхожу к Пушкину, здороваюсь с ним. Подали чай, мы закурили сигарки и сели в уголок.

«Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество в сборе? Я совершенно нечаянно зашел сюда, гуляя в Летнем саду. Пожалуйста, не секретничай: право, любезный друг, это ни на что не похоже!»

Мне и на этот раз легко было без большого обмана доказать ему, что это совсем не собрание общества, им отыскиваемого, что он может спросить Маслова и что я сам тут совершенно неожиданно. «Ты знаешь, Пушкин, что я отнюдь не литератор, и, вероятно, удивляешься, что я попал некоторым образом в сотрудники журнала. Между тем это очень просто, как сейчас сам увидишь. На днях был у меня Николай Тургенев; разговорились мы с ним о необходимости и пользе издания в возможно свободном направлении; тогда это была преобладающая его

⁷⁴ Это 44-я строка стих. «К студентам».

⁷⁵ Цензурный запрет был наложен в 1859 г. на рассказ о задуманном в 1819 г. одним из руководителей Тайного общества Н. И. Тургеневым при участии других заговорщиков литературно-политическом журнале, о размышлениях над тем, привлечь ли Пушкина к заговору, о встрече Пущина с отцом поэта (от абзаца «Самое сильное нападение Пушкина...» до слов «целию самого союза» в абзаце «Я задумался...» (стр. 71–73). О журнале – см. во вступительной статье.

мысль. Увидел он у меня на столе недавно появившуюся книгу M-me Stal «*Considérations sur la Révolution française*»⁷⁶ и советовал мне попробовать написать что-нибудь об ней и из нее. Тут же пригласил меня в этот день вечером быть у него, – вот я и здесь!»

Не знаю настоящим образом, до какой степени это объяснение, совершенно справедливое, удовлетворило Пушкина, только вслед за этим у нас переменялся разговор, и мы вошли в общий круг. Глядя на него, я долго думал: не должен ли я в самом деле предложить ему соединиться с нами? От него зависело принять или отвергнуть мое предложение. Между тем тут же невольно являлся вопрос: почему же помимо меня никто из близко знакомых ему старших наших членов не думал об нем? Значит, их останавливало почти то же, что меня пугало: образ его мыслей всем хорошо был известен, но не было полного к нему доверия.

Преследуемый мыслию, что у меня есть тайна от Пушкина и что, может быть, этим самым я лишаю общество полезного деятеля, почти решался броситься к нему и все высказать, зажмуря глаза на последствия. В постоянной борьбе с самим собою, как нарочно, вскоре случилось мне встретить Сергея Львовича на Невском проспекте.

«– Как вы, Сергей Львович? Что наш Александр?

– Вы когда его видели?

– Несколько дней тому назад у Тургенева».

Я заметил, что Сергей Львович что-то мрачен.

«Je n'ai rien de mieux a faire, que de me mettre en quatre pour rétablir la réputation de mon cher fils.»⁷⁷ Видно, вы не знаете последнюю его проказу.

Тут рассказал мне что-то, право, не помню, что именно, да и припоминать не хочется.

«Забудьте этот вздор, почтенный Сергей Львович! Вы знаете, что Александру многое можно простить: он окупает свои шалости неотъемлемыми достоинствами, которых нельзя не любить».

Отец пожал мне руку и продолжал свой путь.

Я задумался, и, признаюсь, эта встреча, совершенно случайная, произвела свое впечатление: мысль о принятии Пушкина исчезла из моей головы. Я страдал за него, и подчас мне опять казалось, что, может быть, Тайное общество сокровенным своим клеймом поможет ему повнимательней и постороже взглянуть на самого себя, сделать некоторые изменения в ненормальном своем быту. Я знал, что он иногда скорбел о своих промахах, обличал их в близких наших откровенных беседах, но, видно, не пришла еще пора кипучей его природе угомониться. Как ни вертел я все это в уме и сердце, кончил тем, что сознал себя не вправе действовать по личному шаткому воззрению, без полного убеждения в деле, ответственном пред целию самого союза.

Круг знакомства нашего был совершенно розный.

После этого мы как-то не часто виделись. Пушкин кружился в большом свете, а я был как можно подальше от него. Летом маневры и другие служебные занятия увлекали меня из Петербурга. Все это, однако, не мешало нам, при всякой возможности встречаться с прежней дружбой и радоваться нашим встречам у лицейской братии, которой уже немного оставалось в Петербурге; большею частью свидания мои с Пушкиным были у домоседа Дельвига.

В январе 1820 года я должен был ехать в Бессарабию к больной тогда замужней сестре моей. Прожив в Кишиневе и Аккермане почти четыре месяца, в мае возвращался с нею, уже здоровою, в Петербург. Белорусский тракт ужасно скучен. Не встречая никого на станциях, я обыкновенно заглядывал в книгу для записывания подорожных и там искал проезжих. Вижу раз, что накануне проехал Пушкин в Екатеринославль. Спрашиваю смотрителя: «Какой это

⁷⁶ А.-Л. Сталь, Взгляд на главнейшие события французской революции, 1818 (перевод полного французского названия).

⁷⁷ Мне остается только разорваться на части для восстановления репутации моего милого сына (*франц.*)

Пушкин?» Мне и в мысль не приходило, что это может быть Александр. Смотритель говорит, что это поэт Александр Сергеевич, едет, кажется, на службу, на перекладной, в красной русской рубашке, в опояске, в поярковой шляпе (время было ужасно жаркое).⁷⁸ Я тут ровно ничего не понимал – живя в Бессарабии, никаких вестей о наших лицейских не имел. Это меня озадачило.

В Могилеве, на станции, встречаю фельдъегеря, разумеется, тотчас спрашиваю его: не знает ли он чего-нибудь о Пушкине. Он ничего не мог сообщить мне об нем, а рассказал только, что за несколько дней до его выезда сгорел в Царском Селе Лицей, остались одни стены и воспитанников поместили во флигеле.⁷⁹ Все это вместе заставило меня нетерпеливо желать скорей добраться до столицы.

Там после служебных формальностей я пустился разузнавать об Александре. Узнаю, что в одно прекрасное утро пригласил его полицеймейстер к графу Милорадовичу, тогдашнему петербургскому военному генерал-губернатору. Когда привезли Пушкина, Милорадович приказывает полицеймейстеру ехать в его квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему: «Граф! вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумаги, я здесь же все вам напишу» (Пушкин понял, в чем дело). Милорадович, тронутый этою свободною откровенностью, торжественно воскликнул: «Ah, c'est chevaleresque»,⁸⁰ – и пожал ему руку.

Пушкин сел, написал все контрабандные свои стихи и попросил дежурного адъютанта отнести их графу в кабинет. После этого подвига Пушкина отпустили домой и велели ждать дальнейшего приказа.

Вот все, что я дознал в Петербурге. Еду потом в Царское Село к Энгельгардту, обращаюсь к нему с тем же тревожным вопросом.

Директор рассказал мне, что государь (это было после того, как Пушкина уже призывали к Милорадовичу, чего Энгельгардт до свидания с царем и не знал) встретил его в саду и пригласил с ним пройтись.

– Энгельгардт, – сказал ему государь, – Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает. Мне нравится откровенный его поступок с Милорадовичем, но это не исправляет дела.

Директор на это ответил: «Воля вашего величества, но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника; в нем развивается необыкновенный талант, который требует пощады. Пушкин теперь уже – краса современной нашей литературы, а впереди еще большие на него надежды. Ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека. Я думаю, что великодушные ваше, государь, лучше вразумит его!»⁸¹

Не знаю, вследствие ли этого разговора, только Пушкин не был сослан, а командирован от коллегии иностранных дел, где состоял на службе, к генералу Инзову, начальнику колоний Южного края.

Проезжай Пушкин сутками позже до поворота на Екатеринославль, я встретил бы его дорогой, и как отрадно было бы обнять его в такую минуту! Видно, нам суждено было только один раз еще повидаться, и то не прежде 1825 года.

⁷⁸ Пушкин отправился из Петербурга в ссылку на юг 6 мая 1820 г.

⁷⁹ Пожар в здании Лицея был 12 мая.

⁸⁰ Ах, это по-рыцарски (*франц.*).

⁸¹ Пущин преувеличивает значение заступничества Энгельгардта. Помогли хлопоты П. Я. Чаадаева, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, Ф. Н. Глинки. Подробности в статьях Ю. Г. Оксмана «К истории высылки Пушкина из Петербурга в 1820 г.» (сб. «Пушкин – Временник», I, 1936, и «Литературная газета» от 30 мая 1936 г.), А. Н. Шебунина «Пушкин и декабристы» («Временник», III, 1937), в Письмах Пушкина (ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского, т. I, 1926, стр. 12 и сл., 206 и сл.).

В промежуток этих пяти лет генерала Инзова назначили наместником Бессарабии; с ним Пушкин переехал из Екатеринославля в Кишинев, впоследствии оттуда поступил в Одессу к графу Воронцову по особым поручениям. Я между тем, по некоторым обстоятельствам, сбросил конно-артиллерийский мундир и преобразился в Судьи уголовного департамента московского Надворного Суда. Переход резкий, имевший, впрочем, тогда свое значение.

Князь Юсупов (во главе всех, про которых Грибоедов в «Горе от ума» сказал: «Что за тузы в Москве живут и умирают»), видя на бале у московского военного генерал-губернатора князя Голицына неизвестное ему лицо, танцующее с его дочерью (он знал, хоть по фамилии, всю московскую публику), спрашивает Зубкова: кто этот молодой человек? Зубков называет меня и говорит, что я – Надворный Судья.

«Как! Надворный Судья танцует с дочерью генерал-губернатора? Это вещь небывалая, тут кроется что-нибудь необыкновенное».

Юсупов – не пророк, а угадчик, и точно, на другой год ни я, ни многие другие уже не танцевали в Москве!

В 1824 году в Москве тотчас узналось, что Пушкина из Одессы сослали в псковскую деревню отца своего, под надзор местной власти; надзор этот был поручен Пещурову, тогдашнему предводителю дворянства Опочковского уезда. Все мы, огорченные несомненным этим известием, терялись в предположениях.⁸² Не зная ничего положительного, приписывали эту ссылку бывшим тогда неудовольствиям между ним и графом Воронцовым. Были разнообразные слухи и толки, замешивали даже в это дело и графиню. Все это нисколько не утешало нас. Потом вскоре стали говорить, что Пушкин вдобавок отдан под наблюдение архимандрита Святогорского монастыря, в четырех верстах от Михайловского. Это дополнительное сведение делало нам задачу еще сложнее, нисколько не разрешая ее.⁸³

С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, во мне зародилась мысль непременно навестить его. Собираясь на рождество в Петербург для свидания с родными, я предположил съездить и в Псков к сестре Набоковой; муж ее командовал тогда дивизией, которая там стояла, а оттуда уже рукой подать в Михайловское. Вследствие этой программы я подал в отпуск на 28 дней в Петербургскую и Псковскую губернии.

Перед отъездом, на вечере у того же князя Голицына, встретился я с А. И. Тургеневым, который незадолго до того приехал в Москву. Я подсел к нему и спрашиваю: не имеет ли он каких-нибудь поручений к Пушкину, потому что я в январе⁸⁴ буду у него. «Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором – и полицейским и духовным?» – «Все это знаю; но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении, особенно когда буду от него с небольшим в ста верстах. Если не пустят к нему, уеду назад». – «Не советовал бы. Впрочем, делайте, как знаете», – прибавил Тургенев.

Опасения доброго Александра Ивановича меня удивили, и оказалось, что они были совершенно напрасны. Почти те же предостережения выслушал я от В. Л. Пушкина, к кото-

⁸² Дальнейшие три фразы («Не зная ничего... не утешало нас») не были опубликованы в 1859 г. Графиня Е. К. Воронцова была «замешана» в историю высылки Пушкина из Одессы в 1824 г. в связи с тем, что ее муж, М. С. Воронцов, приревновал ее к поэту. Литература об этом обширна; краткий очерк о взаимоотношениях Пушкина и Воронцовой – в статье Е. Б. Черновой «К истории переписки Пушкина и Е. К. Воронцовой» (сб. «Пушкин – Современник», II, 1936). Кроме этого обстоятельства, Воронцова раздражала резкие и язвительные эпиграммы Пушкина на него.

⁸³ Большое значение в преследовании поэта царским правительством имело политическое и религиозное вольномыслие Пушкина, в частности его письмо от первой половины марта 1824 г. к П. А. Вяземскому (см. это письмо в тексте Записок Пущина, стр. 80 и сл.). Все обстоятельства высылки поэта из Одессы разъяснены в обширной литературе по этому вопросу (см. А. С. Пушкин, Письма, ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского, т. I, 1926, стр. 74 и сл., 89 и сл., 311 и сл., 345 и сл.).

⁸⁴ Такое начертание слова «январь» – во всех письмах Пущина.

рому заезжал проститься и сказать, что увижу его племянника. Со слезами на глазах дядя просил расцеловать его.

Как сказано, так и сделано.

Проведя праздник у отца в Петербурге, после крещения я поехал в Псков. Погостил у сестры несколько дней и от нее вечером пустился из Пскова; в Острове, проездом ночью, взял три бутылки клико и к утру следующего дня уже приближался к желаемой цели. Свернули мы, наконец, с дороги в сторону, мчались среди леса по гористому проселку – все мне казалось не довольно скоро! Спускаясь с горы, недалеко от усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видеть, сани наши в ухабе так наклонились набок, что ямщик слетел. Я с Алексеем, неизменным моим спутником от лицейского порога до ворот крепости кой-как удержался в санях. Схватили вожжи.

Кони несут среди сугробов, опасности нет: в сторону не бросятся, все лес, и снег им по брюхо – править не нужно. Скачем опять в гору извилистой тропой; вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились смаху в притворенные ворота при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора...

Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, *босиком*, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку⁸⁵ и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим! Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке.

Было около восьми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один – почти голый, другой – весь забросанный снегом. Наконец, пробила слеза (она и теперь, через тридцать три года, мешают писать в очках) – мы очнулись. Совестно стало перед этою женщиной, впрочем, она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, – чуть не задушил ее в объятиях.

Все это происходило на маленьком пространстве. Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и пр., пр. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда с самого Лицея писал обглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из коридора; против его двери – дверь в комнату няни, где стояло множество пяльцев.

После первых наших обниманий пришел и Алексей, который, в свою очередь, кинулся целовать Пушкина; он не только знал и любил поэта, но и читал наизусть многие из его стихов. Я между тем приглядывался, где бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутренние комнаты была заперта – дом не топлён. Кой-как все это тут же уладили, копошась среди отрывистых вопросов: что? как? где? и пр.; вопросы большею частью не ожидали ответов; наконец, помаленьку прибрались; подали нам кофе; мы уселись с трубками. Беседа пошла привольнее; многое надо было хронологически рассказать, о многом расспросить друг друга! Теперь не берусь всего этого передать.

Вообще Пушкин показался мне несколько серьезнее прежнего, сохраняя, однакож, ту же веселость; может быть, самое положение его произвело на меня это впечатление. Он, как дитя,

⁸⁵ У Пущина – «в охапку»; это одно из немногочисленных его отступлений от обычного начертания слов; некоторые оставлены в тексте в качестве образца.

был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему еще не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всем проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании: им не было конца в неумолкаемой нашей болтовне. Наружно он мало переменялся, оброс только бакенбардами; я нашел, что он тогда был очень похож на тот портрет, который потом видел в *Северных цветах* и теперь при издании его сочинений П. В. Анненковым.⁸⁶

Пушкин сам не знал настоящим образом причины своего удаления в деревню;⁸⁷ он приписывал удаление из Одессы козням графа Воронцова из *ревности*; думал даже, что тут могли действовать некоторые смелые его бумаги по службе, эпиграммы на управление и неосторожные частые его разговоры о религии.⁸⁸

Случайно довелось мне недавно видеть копию с переписки графа Нессельроде с графом Воронцовым, вследствие которой Пушкин был сослан из Одессы на жительство в деревню отца. Поводом к этой переписке, без сомнения, было перехваченное на почте письмо Пушкина, но кому именно писанное – мне неизвестно; хотя об этом письме Нессельроде и не упоминает, а просто пишет, что по дошедшим до императора сведениям о поведении и образе жизни Пушкина в Одессе его величество находит, что пребывание в этом шумном городе для молодого человека во многих отношениях вредно, и потому поручает спросить его мнение на этот счет. Воронцов ответил, что совершенно согласен с высочайшим определением и вполне убежден, что Пушкину нужно больше уединения для собственной его пользы.

Вот копия с отрывка из письма Пушкина, которое в полном составе его мне неизвестно.

«Читая Шекспира и Библию, Святой Дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я делаю? – пишу пестрые строфы романтической поэмы и беру уроки чистого Афеизма. Здесь Англичанин, глухой Философ, единственный умный Афей, которого я еще встретил. Он написал листов тысячу, чтобы доказать: *qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur*,⁸⁹ мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. – Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная».⁹⁰

Из дела видно, что Пушкин по назначенному маршруту, через Николаев, Елизаветград, Кременчуг, Чернигов и Витебск, отправился из Одессы 30 июля 1824 года, дав подписку нигде не останавливаться на пути по своему произволу и, по прибытии в Псков, явиться к гражданскому губернатору.

9 августа того же года Пушкин прибыл в имение отца своего статского советника Сергея Львовича Пушкина, состоящее в Опочковском уезде.

Мне показалось, что он вообще неохотно об этом говорил; я это заключил по лаконическим отрывистым его ответам на некоторые мои вопросы, и потому я его просил оставить эту статью, тем более что все наши толкования ни к чему не вели, а только отклоняли нас от другой, близкой нам беседы. Заметно было, что ему как будто несколько наскучила прежняя шумная жизнь, в которой он частенько терялся.

⁸⁶ Это портрет работы О. А. Кипренского; был в «Сев. цветах» (1828) и в т. I Сочинений, изд. 1855 г.; теперь – в Третьяковской галерее. С. Л. Пушкин тоже признавал этот портрет лучшим изображением его сына.

⁸⁷ По цензурным соображениям весь дальнейший текст опубликован в 1859 г. либо с выкидками, либо в «исправленном» изложении редакции «Атеня».

⁸⁸ Здесь в рукописи знак отсылки к дополнению 1, помещенному в конце тетради; это рассказ о высылке Пушкина из Одессы, письмо поэта об англичанине-атеисте, рассказ о переезде Пушкина в Михайловское (5 абзацев: «Случайно довелось мне... в Опочковском уезде», стр. 79–80). В соответствии с содержанием это дополнение помещается в основном тексте.

⁸⁹ Что не может существовать существа разумного, создателя и правителя (*франц.*).

⁹⁰ В таком же виде письмо (1-я половина марта 1824 г.) печатается в «Письмах» Пушкина (т. I, 1926); мелкие, буквенные неточности исправлены по указанному изданию (стр. 74 и сл.). «Романтическая поэма» – «Евгений Онегин». «Афей» – доктор В. Гутчинсон, домашний врач М. С. Воронцова.

Среди разговора *ex abrupto*⁹¹ он спросил меня: что об нем говорят в Петербурге и в Москве? При этом вопросе рассказал мне, будто бы император Александр ужасно перепугался, найдя его фамилию в записке коменданта о приезжих в столицу, и тогда только успокоился, когда убедился, что не он приехал, а брат его Левушка. На это я ему ответил, что он совершенно напрасно мечтает о политическом своем значении, что вряд ли кто-нибудь на него смотрит с этой точки зрения, что вообще читающая наша публика благодарит его за всякий литературный подарок, что стихи его приобрели народность во всей России и, наконец, что близкие и друзья помнят и любят его, желая искренно, чтоб скорее кончилось его изгнание.

Он терпеливо выслушал меня и сказал, что несколько примирился в эти четыре месяца с новым своим бытом, вначале очень для него тягостным; что тут, хотя невольно, но все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с Музой живет в ладу и трудится охотно и усердно. Скорбел только, что с ним нет сестры его, но что, с другой стороны, никак не согласится, чтоб она, по привязанности к нему, проскучала целую зиму в деревне. Хвалил своих соседей в Тригорском,⁹² хотел даже взять меня к ним, но я отговорился тем, что приехал на такое короткое время, что не успею и на него самого наглядеться. Среди всего этого много было шуток, анекдотов, хохоту от полноты сердечной. Уцелели бы все эти дорогие подробности, если бы тогда при нас был стенограф.

Пушкин заставил меня рассказать ему про всех наших первокурсных Лицея, потребовал объяснения, каким образом из артиллеристов я преобразовался в Судьи. Это было ему по сердцу, он гордился мною и за меня! Вот его строфы из «Годовщины 19 октября» 1825 года, где он вспоминает, сидя один, наше свидание и мое судейство:

Иныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных выюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада,
.....
...Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.
.....
Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.⁹³

Незаметно коснулись опять подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать».⁹⁴ Потом, успокоившись, продолжал: «Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою – по многим моим глупостям». Молча, я крепко расцеловал его; мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть.

Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличавшуюся от других, не сообщая, однако, Пушкину моих заключений. Я

⁹¹ Внезапно (*лат.*).

⁹² Соседи в Тригорском – семья П. А. Осиповой.

⁹³ Из знаменитого «19 октября» 1825 г. Пущин привел только строки, относящиеся к нему непосредственно. Дальнейший текст Записок изложен в «Атенее» соответственно цензурным требованиям, с урезками и искажениями.

⁹⁴ У Пущина неточность: он был в Михайловском в январе 1825 г.; В. Ф. Раевский арестован в феврале 1822 г.

невольно смотрел на него с каким-то новым чувством, порожденным исключительным положением: оно высоко ставило его в моих глазах, и я боялся оскорбить его каким-нибудь неуместным замечанием. Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль – улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было – я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понятно без всяких слов.⁹⁵

Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились восвояси. Настало время обеда. Алексей хлопнул пробкой, начались тосты за Русь, за Лицей, за отсутствующих друзей и за нее.⁹⁶ Незаметно полетела в потолок и другая пробка; попотчевали искрометным няню, а всех других – хозяйской наливкой. Все домашнее население несколько развеселилось; кругом нас стало пошумнее, праздновали наше свидание.

Я привез Пушкину в подарок *Gore от ума*; он был очень доволен этой тогда рукописной комедией, до того ему вовсе почти незнакомой. После обеда, за чашкой кофе, он начал читать ее вслух; но опять жаль, что не припомню теперь метких его замечаний, которые, впрочем, потом частью явились в печати.

Среди этого чтения кто-то подъехал к крыльцу. Пушкин взглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минею. Заметив его смущение и не подозревая причины, я спросил его: что это значит? Не успел он ответить, как вошел в комнату низенький, рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря.

Я подошел под благословение. Пушкин – тоже, прося его сесть. Монах начал извинением в том, что, может быть, помешал нам, потом сказал, что, узнавши мою фамилию, ожидал найти знакомого ему П. С. Пущина, уроженца великолуцкого, которого очень давно не видал. Ясно было, что настоятелю донесли о моем приезде и что монах хитрит. Хотя посещение его было вовсе некстати, но я все-таки хотел *faire bonne gainne à mauvais jeu*⁹⁷ и старался уверить его в противном; объяснил ему, что я – Пущин такой-то, лицейский товарищ хозяина, а что генерал Пущин, его знакомый, командует бригадой в Кишиневе, где я в 1820 году с ним встречался. Разговор завязался о том о сем. Между тем подали чай. Пушкин спросил рому, до которого, видно, монах был охотник. Он выпил два стакана чаю, не забывая о роме, и после этого начал прощаться, извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу.

Я рад был, что мы избавились этого гостя, но мне неловко было за Пушкина: он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Я ему высказал мою досаду, что накликал это посещение. «Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня – я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!» Тут Пушкин как ни в чем не бывало продолжал читать комедию – я с необыкновенным удовольствием слушал его выразительное и исполненное жизни чтение, довольный тем, что мне удалось доставить ему такое высокое наслаждение.

Потом он мне прочел кой-что свое, большею частью в отрывках, которые впоследствии вошли в состав замечательных его пиэс; продиктовал начало из поэмы «Цыганы» для «Полярной звезды» и просил, обнявши крепко Рылеева, благодарить за его патриотические «Думы».

Время не стояло. К несчастью, вдруг запахло угаром. У меня собачье чутье, и голова моя не выносит угара. Тотчас же я отправился узнавать, откуда эта беда, неожиданная в такую пору дня. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велела в других комнатах затопить печи, которые с самого начала зимы не топились. Когда закрыли трубы, – хоть беги из дому! Я тотчас распорядился за беззаботного сына в отцовском доме: велел открыть трубы, запер на замок дверь в натопленные комнаты, притворил и нашу дверь, а форточку открыл.

⁹⁵ Это героиня деревенского романа Пушкина – Ол. Мих. Калашникова (П. Е. Щеголев, Пушкин и мужики, 1928, стр. 18 и сл.).

⁹⁶ За нее – за революцию.

⁹⁷ Делать веселое лицо при плохой игре (*франц.*).

Все это неприятно на меня подействовало, не только в физическом, но и в нравственном отношении. «Как, – подумал я, – хоть в этом не успокоить его, как не устроить так, чтоб ему, бедному поэту, было где подвигаться в зимнее ненастье». В зале был бильярд; это могло бы служить для него развлечением. В порыве досады я даже упрекнул няню, зачем она не велит отапливать всего дома. Видно, однако, мое ворчанье имело некоторое действие, потому что после моего посещения перестали экономничать дровами. Г-н Анненков в биографии Пушкина говорит, что он иногда один играл в два шара на бильярде. Ведь не летом же он этим забавлялся, находя приволье на божьем воздухе, среди полей и лесов, которые любил с детства. Я не мог познакомиться с местностью Михайловского, так живо им воспетой: она тогда была закутана снегом.

Между тем время шло за полночь. Нам подали закусить; на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись в надежде, может быть, скоро свидеться в Москве. Шаткая эта надежда облегчила расставанье после так отраднo промелькнувшего дня. Ямщик уже запряг лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилоь: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьем, и пьем на вечную разлуку! Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин еще что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него: он остановился на крыльце, со свечой в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «Прощай, друг!» Ворота скрипнули за мной...

Сцена переменялась.

Я осужден; 1828 года, 5 января, привезли меня из Шлиссельбурга в Читу, где я соединился, наконец, с товарищами моего изгнания и заточения, прежде меня прибывшими в тамошний острог.⁹⁸

Что делалось с Пушкиным в эти годы моего странствования по разным мытарствам, я решительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевым словом. В самый день моего приезда в Читу призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на котором неизвестною рукой написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил;
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье

⁹⁸ Не все декабристы были отправлены сразу после суда в читинскую тюрьму. Несколько человек: С. Г. Волконский, С. П. Трубецкой и другие были посланы в горные рудники Нерчинска, где их ставили на работу наравне с самыми тяжкими уголовными преступниками. Вот что рассказал об этом Пущин в отрывке из своих воспоминаний. Он начал записывать их в Ялуторовске, но, к сожалению, остановился на приводимом здесь отрывке, сохранившемся в его бумагах (ЦГИА, ф. 279, оп. I, № 246): «1. Впоследствии объяснилась нам причина внезапного нашего перемещения. Император Николай, встретя в Москве, при коронации, генерал-губернатора Лавинского, спросил его: «А что наши, Й думаю, уже в Нерчинске?» Лавинский молча поклонился. Тотчас отправил курьера к Горлову с приказанием отправить *наших куда следует*. Горлов отстранен от должности за то, что не понял высочайшей воли, хотя она и не была объявлена. Он поступил, при размещении по заводам, на общем основании – для всех ссылаемых без особого распоряжения. 2. Кстати, здесь, после моей прозы, поместить стихи покойного Александра Одоевского, написанные в альбом княгини М. Н. Волконской 25-го декабря 1829 года (это день ее рождения; тогда ей было 25-ть лет). Вот они...» Пущин выписал полностью названное стихотворение (см. А. И. Одоевский, Полное собрание стихотворений и писем, ред. Д. Д. Благого и И. А. Кубасова, 1934, стр. 151) и продолжал: «Может быть, я делаю нескромность, внося в мои воспоминания задушевный голос нашего поэта, но он так верно высказывает наши общие чувства, что эта нескромность мне простится».

Лучом лицейским ясных дней!

(Псков, 13 декабря 1826.)⁹⁹

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнание. Увы! я не мог даже пожать руку той женщине, которая так радостно спешила утешить меня воспоминанием друга; но она поняла мое чувство без всякого внешнего проявления, нужного, может быть, другим людям и при других обстоятельствах; а Пушкину, верно, тогда не раз икнулось.

Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого пред самым отъездом из Петербурга, хранила его до свидания со мною и рада, что могла, наконец, исполнить порученное поэтом.

По приезде моем в Tobольск в 1839 году я послал эти стихи к Плетневу; таким образом были они напечатаны; а в 1842 брат мой Михаил отыскал в Пскове самый подлинник Пушкина, который теперь хранится у меня в числе заветных моих сокровищ.¹⁰⁰

⁹⁹ Здесь кончается текст Записок, опубликованный в 1859 г. в «Атенее». Следующий текст («Отрадно... его счастья», стр. 85 – 86) опубликован акад. Л. Н. Майковым в книге «Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки», СПб. 1899.

¹⁰⁰ Стихотворение Пушкина «Мой первый друг» печатается в издании АН СССР по тексту, опубликованному в Записках Пушкина, так как автограф поэта не найден. Повидимому, с этого пушкинского автографа Е. И. Якушкин опубликовал поправки к стихотворению «И. И. Пущину», напечатанному раньше с ошибками. Поправки были опубликованы еще при жизни Пущина («Библиографические записки», 1858, № 11, стр. 344). Якушкин сообщает, что автограф Пушкина имел помету: «13 декабря 1826 г. Псков». В исследовании Б. В. Томашевского о рукописях Пушкина указывается, что послание начато было поэтом вскоре после посещения Пущиным Михайловского в январе 1825 г. (сб. «Литературное наследство», вып. 16–18, 1934, стр. 290 и сл.). Там же сообщается, как было создано стихотворение и почему окончательный текст 1826 г. отличается от первоначального. Послание Пушкина от 13 декабря 1826 г. Пущин вписал в свою тетрадь «заветных сокровищ», состоящую из 12 листов большого формата, заполненных с обеих сторон (Центр, Госуд. Истор. Архив, ф. 279, оп. 1, № 248), Под текстом стихотворения – помета, в скобках: «в Москве, А. Г. М. 16 января 1827» (А. Г. М. – Муравьева). В этом автографе Пущина имеются разночтения сравнительно с окончательным текстом стихотворения. В третьей строке он сначала написал: «Когда мой дом», затем зачеркнул слово «дом» и над текстом написал: «двор». Е. И. Якушкин тоже отмечал в 1858 г., что в рукописи Пушкина: «двор». В 6-й строке слово «Провиденье» в автографе архива – не с прописной буквы. В последней строке слово «лицейских» – с прописной буквы. Теперь найден еще один экземпляр послания к Пущину, также в его собственноручном списке. Этот автограф обнаружил писатель Е. Д. Петряев в библиотеке Читы на листке, вклеенном во французском издании немецкой книги врача И.-Г. Циммермана «Уединение» (Париж, 1814). На титульном листе книги французская надпись: «Пущину от Муханова». На левой – чистой – странице, противоположной титулу, русская надпись: «Видал. Лепарский». Автограф Пущина вклеен между 1 и 2 томом (оба – в одном переплете). Автограф воспроизведен в настоящем издании по фотоснимку, присланному Е. Д. Петряевым. Читинский автограф в общем сходен с архивным. В 3-й строке в нем также слово «дом», только здесь оно не зачеркнуто. В автографе первоначального текста – 1825 г. (Пушкинский Дом, ф. 244, оп. I, № 83) – в 3-й строке ясно написано рукою самого Пушкина: «двор» (сообщение В. В. Данилова). Дата под стихотворением в читинском автографе Пущина: «16 января 826». Итак, под обоими своими списками Пущин проставил дату неправильно. В его Записках дата соответствует пушкинскому утерянному автографу. Точно так же Пущин приводит ее в письме к Ф. Ф. Матюшкину от 24 февраля 1853 г. (№ 137). В этом письме указано, что М. И. Пущин прислал брату пушкинский автограф стихотворения «Мой первый друг» в 1843 г. Сообщение о 1842 г. достовернее, так как именно в 1842 г. М. И. Пущин передал Вяземскому портфель брата с его «заветными сокровищами» – автографами Пушкина, Рыльева, Дельвига и др. В литературе о Пушкине и декабристах считалось, что портфель Пущина хранился со дня восстания на Сенатской площади до середины 1857 г. у П. А. Вяземского. Это основано было на сообщении Е. И. Якушкина. Но после опубликования в 1938 г. письма М. И. Пущина к брату от 22 апреля (4 мая) 1857 г. стало известно, что портфель был передан Вяземскому только в 1841 г. До того он, повидимому, хранился в семье Пущиных. В комментируемом тексте Записок Пущин заявляет, что в 1839 г. он послал стихотворение «Мой первый друг» Плетневу для напечатания. Действительно, послание 1826 г. было опубликовано в плетневском «Современнике» в 1841 г. (т. XXII, май, стр. 173, ценз. разрешение от 24 апреля). Рядом с посланием было напечатано стихотворение Пушкина «В альбом Пущину» 1817 г. («Взглянув когда-нибудь...», стр. 172). В обоих не упоминалось имя Пущина, но в журнале заявлено, что стихотворения присланы автором «Конька-Горбунка» П. П. Ершовым. В связи с публикуемыми в настоящем издании письмами Пущина от 12 сентября и 7 ноября 1841 г. к Н. Д. Фонвизиной (№ 70 и 71) приходится поставить вопрос: только ли упомянутые выше два стихотворения были посланы Пущиным через Ершова? Если Пущин послал Плетневу в 1839 г. два неизданных стихотворения Пушкина, то как мог редактор «Современника» держать их под спудом больше полутора лет? Можно предположить, что Пущин был в 1839 г. в Tobольске проездом из петровской тюрьмы. Но, занятый хлопотами по устройству на поселении вместе с Оболенским и не в Туринске, куда его назначили, он вряд ли имел время разбираться в своих бумагах и вести переговоры с Ершовым. Осенью 1840 г. Пущин прожил в Tobольске довольно долго у Фонвизиных. У них часто бывал Ершов. При встрече с ним Пущин мог передать ему стихотворения Пушкина. Автор

В своеобразной нашей тюрьме я следил с любовью за постепенным литературным развитием Пушкина; мы наслаждались всеми его произведениями, являющимися в свет, получая почти все повременные журналы. В письмах родных и Энгельгардта, умевшего найти меня и за Байкалом, я не раз имел о нем некоторые сведения. Бывший наш директор прислал мне его стихи «19 октября 1827 года»:

Бог помощь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помощь вам, друзья мои,
И в счастье, и в житейском горе,
В стране чужой, в пустынном море
И в темных пропастях земли.¹⁰¹

«Конька-Горбунка» поддерживал близкие отношения с Плетневым, печатал свои произведения в «Современнике». Конечно, он поспешил бы поделиться с Плетневым и с читателями таким ценным подарком, как неизданные стихи Пушкина. Поэтому предположение о передаче стихов Ершову в 1840 г. ближе к действительности, чем заявление Пущина о 1839 г., сделанное почти через двадцать лет после пребывания в Тобольске. Это предположение подкрепляется другими заявлениями. В 1872 году была издана книга А. Ярославцева о Ершове. Здесь, между прочим, сообщается, что автор «Конька-Горбунка» прислал для «Современника», в письме к их общему товарищу Треборну от 10 января 1841 г., «два приобретенные им, из альбомов, стихотворения покойного А. С. Пушкина» (стр. 74). Январь 1841 г. ближе к осени 1840 г. и к маю 1841 г., чем сентябрь 1839 г. Наконец, в новейшей работе о Ершове, изданной отдельной книгой в 1950 г., автор ее В. Утков заявляет: «Осенью 1840 года Пущин передал Ершову два пожелтевших листка, вырванных из альбома... На них рукой Пушкина были написаны два стихотворения: «Мой первый друг», «Взглянув когда-нибудь» (стр. 70). Следует иметь в виду еще одно заявление Ярославцева. В своих воспоминаниях он приводит письмо к Треборну от 25 сентября 1841 г. Друзья упрекали Ершова: напрасно он не пишет к Плетневу; ведь тот охотно печатает стихи автора «Конька-Горбунка», ждет еще посылки. В ответ на это Ершов писал: «Буду так просто делиться с добрейшим П. А. [Плетневым] чем бог послал. И в доказательство *слова* присылаю стихи Пушкина в том виде, в каком они мне доставлены. Касательно их подлинности нет ни малейшего сомнения. Мне прислал их задушевный приятель Пушкина, лицейский его товарищ, тот самый, который доставил мне *a первые*. Об имени его – до случая. Только, во всяком случае, уверь П. А. [Плетнева], что я не способен никого мистифицировать, да, признаться, и не умею» (стр. 83). Оба подчеркивания в письме Ершова сделаны мною. В письме от 12 сентября 1841 г. Пущин просил Н. Д. Фонвизину передать Ершову для Плетнева «две пиесы» Пушкина, нигде не напечатанные. В письме от 7 ноября он спрашивал Наталью Дмитриевну, пошлет ли Ершов стихи, о которых говорилось в предыдущих письмах (№ 70 и 71). Из всего изложенного ясно, что Пущин пересылал Плетневу через Ершова стихи Пушкина два раза. И он и Ершов не могли осенью 1841 г. забыть, что в майской книге «Современника» за тот же год были напечатаны два посвященные Пущину стихотворения Пушкина: «Современник» получался декабристами в разных местах сибирского поселения. Если же Ершов посылал Плетневу новые списки прежних двух стихотворений Пушкина, то вряд ли Ершов и Пущин не упомянули бы об этом. А Пущин не писал бы в сентябре 1841 г., что стихотворения, опубликованные в мае, нигде не напечатаны: майский номер «Современника» мог быть уже в сентябре в Сибири, а тем более в ноябре.

¹⁰¹ Непосредственно за посланием 1826 г. Пущин вписал в свою «заветную» тетрадь и это стихотворение. Но между текстом Записок и автографом тетради имеются мелкие разночтения. Под текстом приписка в скобках: «Прислано в Сибирь Е. А.», то есть Энгельгардтом. Записал Пущин в тетрадь также послание своего великого друга «В Сибирь» («Во глубине сибирских руд...», 1827), адресованное всем декабристам вообще. И здесь имеются интересные разночтения. 12-я строка (в третьей строфе) в Сочинениях Пушкина читается: «Доходит мой свободный глас». Пущин написал эту строку так: «Доходит мой призывный глас». Затем над словом «призывный», не зачеркнув его, написал: «свободный». Конечно, слово «призывный» звучит действеннее, чем слово «свободный». Последняя строка в изд. АН СССР: «И братья меч вам отдадут», у Пущина: «И братья меч ваш отдадут». Слова «ваш» имеет в этом стихотворении более революционный смысл, чем слово «вам». Ввиду отсутствия автографа Пушкина для этого стихотворения список Пущина имеет существенное значение. В Записках декабриста Н. И. Лорера, под редакцией М. В. Нечкиной, это слово также читается: «ваш». Имеются в «заветной» тетради записи других произведений Пушкина. В стихотворении «На Воронцова» 1825 г. («Сказали раз царю...») поэт заклеил спесивого вельможу, который преследованиями довел его до ссылки в Михайловское. В списке Пущина – несколько отличий от обычного текста. В Сочинениях Пушкина 6-я строка: «Всех рассмешил проворный приговор», у Пущина: «Всех удивил поспешный приговор». Следующая строка в Сочинениях Пушкина печатается так: «Риэго был пред Фердинандом грешен», у Пущина: «Риэго был, конечно, очень грешен». В 10-й строке у Пущина – лишнее (подчеркнутое мною) слово: «Ругаться *этак* нам над жертвой палача?» В 12-й строке: «Не захотел своей улыбкой наградить», у Пущина – «ободрить». И в последнем стихе список декабриста содержит лишнее слово против принятого текста; в Сочинениях Пушкина: «И в подлости осанку благородства», в «заветной» тетради: «И в самой подлости...»

И в эту годовщину в кругу товарищей-друзей Пушкин вспомнил меня и Вильгельма, заживо погребенных, которых они не досчитывали на лицейской сходке.¹⁰²

Впоследствии узнал я об его женитьбе и камер-юнкерстве; и то и другое как-то худо укладывалось во мне: я не умел представить себе Пушкина семьянином и царедворцем; жена красавица и придворная служба пугали меня за него. Все это вместе, по моим понятиям об нем, не обещало упрочить его счастья.¹⁰³

Проходили годы; ничем отрадным не навевало в нашу даль – там, на нашем западе, все шло тем же тяжелым ходом. Мы, грешные люди, стояли как поверстные столбы на большой дороге: иные путники, может быть, иногда и взглядывали, но продолжали путь тем же шагом и в том же направлении...

Между тем у нас, с течением времени, силою самых обстоятельств, устроились более смелые контрабандные сношения с европейской Россией – кой-когда доходили до нас не одни *газетные* известия. Таким образом, в январе 1837 года возвратившийся из отпуска наш плац-адъютант Розенберг зашел в мой 14-й номер. Я искренно обрадовался и забросал его распросами о родных и близких, которых ему случилось видеть в Петербурге. Отдав мне отчет на мои вопросы, он с какою-то нерешительностью упомянул о Пушкине. Я тотчас ухватился за это дорогое мне имя: где он с ним встретился? как он поживает? и пр. Розенберг выслушал меня в раздумье и, наконец, сказал: «Нечего от вас скрывать. Друга вашего нет! Он ранен на дуэли Дантесом и через двое суток умер; я был при отпевании его тела в Конюшенной церкви, накануне моего выезда из Петербурга».¹⁰⁴

Слушая этот горький рассказ, я сначала решительно как будто не понимал слов рассказчика, – так далека от меня была мысль, что Пушкин должен умереть во цвете лет, среди живых на него надежд. Это был для меня громовой удар из безоблачного неба – ошеломило меня, а вся скорбь не вдруг сказала на сердце. – Весть эта электрической искрой сообщилась в тюрьме – во всех кружках только и речи было, что о смерти Пушкина – об общей нашей потере, но в итоге выходило одно: что его не стало и что не воротить его!

¹⁰² В тетрадь своих «заветных сокровищ» Пущин вписал несколько стихотворений А. И. Одоевского. На первом месте «Славянские девы». Сравнительно с текстом Полного собрания стихотворений Одоевского (под ред. И. А. Кубасова и Д. Д. Благого, 1934) в автографе имеются некоторые отличия. Так как автограф Одоевского неизвестен (многие его произведения печатаются с чужих списков), эти отличия представляют интерес: Пущин мог записать стихотворение с более авторитетного списка, чем тот, который воспроизводится в Сочинениях. В собрании стихотворение, в 23-й строке: «грустно живет», у Пущина: «грустно поет»; в 7-й строке от конца: «Радостно песнь свободы запой...», у Пущина: «Сладкую песню с нами запой!» Сохранил Пущин написанную декабристом Ф. Ф. Вадковским музыку к стихотворению «Славянские девы». Тетрадь со списком стихов Одоевского и нотами Вадковского он подарил известному петербургскому врачу, профессору Н. Ф. Здекауеру, который лечил Пущина по возвращении его в Петербург в 1857 г. В надписи Пущина на первом листе тетради сказано, что, когда Здекауер будет слушать музыку Вадковского, он вспомнит «отголосок мечты» декабристов, боровшихся за свободу отечества. За пушкинским посланием «В Сибирь» Пущин вписал в свою тетрадь «Ответ» А. И. Одоевского на стихотворение великого поэта. И здесь имеются некоторые отличия от текста издания 1934 г. Внесено в «заветную» тетрадь стихотворение Одоевского «К М. Н. Волконской» с некоторыми разночтениями. В тетрадь «заветных сокровищ» вписано И. И. Пущиным стихотворение его друга и товарища по заговору К. Ф. Рыльева «Гражданин». Стихотворение это в автографе самого Рыльева сохранилось для нас в портфеле Пущина, возвращенном ему в 1857 г. Теперь автограф находится в Пушкинском Доме (воспроизведен в Полном собрании сочинений Рыльева под ред. Ю. Г. Окомана, 1934, стр. 83, и под ред. А. Г. Цейтлина, 1934, вкладка к стр. 264). В тексте, записанном Пущиным по памяти, – разночтения. В автографе Рыльева и в печати 5-й стих читается так: «Нет, не способен я в объятиях сладострастья». Пущин записал: «в оковах». В 12-м стихе вместо авторского: «За угнетенную свободу человека» – у Пущина: «За падшую». В «заветную» тетрадь Пущин вписал рылегвекую «Исповедь Наливайки» – с незначительными разночтениями. Имеются там списки стихотворений других поэтов пушкинской эпохи, стихотворений декабристов, стихотворения В. Г. Бенедиктова «Горы» и другие.

¹⁰³ Весь дальнейший текст Записок Пущина опубликован впервые В. Е. Якушкиным («Русские ведомости», 1899, № 143).

¹⁰⁴ Розенберг не мог вернуться в Петровский завод из Петербурга в январе 1837 г. Пушкин скончался 29 января, отпевание тела происходило 1 февраля.

Провидение так решило; нам остается смиренно благоговеть перед его определением. Не стану беседовать с вами об этом народном горе, тогда несказанно меня поразившем: оно слишком тесно связано с жгучими оскорблениями, которые невыразимо должны были отравлять последние месяцы жизни Пушкина. Другим лучше меня, далекого, известны гнусные обстоятельства, породившие дуэль; с своей стороны скажу только, что я не мог без особенного отвращения об них слышать – меня возмущали лица, действовавшие и подозреваемые в участии по этому гадкому делу, подсекшему существование величайшего из поэтов.¹⁰⁵

Размышляя тогда и теперь очень часто о ранней смерти друга, не раз я задавал себе вопрос: «Что было бы с Пушкиным, если бы я привлек его в наш союз и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную от той, которая пала на его долю».

Вопрос дерзкий, но мне, может быть, простительный! – Вы видели внутреннюю мою борьбу всякий раз, когда, сознавая его податливую готовность, приходила мне мысль принять его в члены Тайного нашего общества; видели, что почти уже на волоске висела его участь в то время, когда я случайно встретился с его отцом. Эта и пустая и совершенно ничего не значащая встреча между тем высказалась во мне каким-то знаменательным указанием... Только после смерти его все эти, повидимому, ничтожные обстоятельства приняли, в глазах моих, вид явного действия Промысла, который, спасая его от нашей судьбы, сохранил Поэта для славы России.

Положительно, сибирская жизнь, та, на которую впоследствии мы были обречены в течение тридцати лет, если бы и не вовсе иссушила его могучий талант, то далеко не дала бы ему возможности достичь того развития, которое, к несчастью, и в другой сфере жизни несвоевременно было прервано.

Характеристическая черта гения Пушкина – разнообразие. Не было почти явления в природе, события в обыденной и общественной жизни, которые бы прошли мимо его, не вызвав дивных и неподражаемых звуков его лиры; и поэтому простор и свобода, для всякого человека бесценные, для него были сверх того могущественнейшими вдохновителями. В нашем же тесном и душном заточении природу можно было видеть только через железные решетки, а о живых людях разве только слышать.

Пушкин при всей своей восприимчивости никак не нашел бы там материалов, которыми он пользовался на поприще общественной жизни. Может быть, и самый резкий перелом в существовании, который далеко не все могут выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразном, чтобы не сказать капризном, существе.

Одним словом, в грустные минуты я утешал себя тем, что поэт не умирает и что Пушкин мой всегда жив для тех, кто, как я, его любил, и для всех умеющих отыскивать его, живого, в бессмертных его творениях...

Еще пара слов:

Манифестом 26 августа 1856 года я возвращен из Сибири. В Нижнем-Новгороде я посетил Даля (он провел с Пушкиным последнюю ночь). У него я видел Пушкина простреленный сюртук. Даль хочет принести его в дар Академии или Публичной библиотеке.

В Петербурге навещал меня, больного, Константин Данзас. Много говорил я о Пушкине с его секундантом. Он, между прочим, рассказал мне, что раз как-то, во время последней его болезни, приехала У. К. Глинка, сестра Кюхельбекера; но тогда ставили ему пиявки. Пушкин просил поблагодарить ее за участие, извинился, что не может принять. Вскоре потом со вздохом проговорил: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пушина, ни Малиновского!»

¹⁰⁵ Здесь у Пушина пометка, отсылающая к его Приложению, где он поместил документы о дуэли и кончине Пушкина. Это несколько случайных документов о дуэли, которые сами по себе не представляют интереса после исследования П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (1928), где помещены в научной обработке все документы о трагедии 1837 г.

Вот последний вздох Пушкина обо мне. Этот предсмертный голос друга дошел до меня с лишком через 20 лет!..

Им кончаю и рассказ мой.

И. П.

С. Марьино. Август 1858.

Прилагаю переписку, которая свидетельствует о всей черноте этого дела.¹⁰⁶

¹⁰⁶ В Приложении Пущин поместил полученные Пушкиным анонимные пасквилы, приведшие поэта к роковой дуэли, и несколько писем, связанных с последней (почти все – на французском языке; их русский перевод – в «Записках» Пущина о Пушкине, изд. Гослитиздата, 1934 и 1937). Здесь не приводятся, так как не находятся в прямой связи с воспоминаниями Пущина о великом поэте и не разъясняют историю дуэли.

Письма¹⁰⁷

*Главное, не надо утрачивать поэзию жизни.
Пущин – Письмо 27IX 1839 г.*

¹⁰⁷ Источники для публикации новых и сверки опубликованных раньше писем И. И. Пущина и других материалов – в фондах: Рукоп. отд. Библиотеки им. В. И. Ленина: № 243, Фв (Фонвизиных), Бат. (Батенькова), Рукоп. Отд. Пушкинского Дома – № 244; Центр. Госуд. Истор. Архива – № 48, № 279, № 392, № 1137, № 1705, № 1709 и др.; Центр. Госуд. Литер. Архива – № 195; Рукоп. отд. Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина – К21. Кроме настоящего издания, письма Пущина были в основном опубликованы полностью или в извлечениях в следующих книгах: И. И. Пущин, Записки о Пушкине и письма из Сибири (1925); И. И. Пущин, Записки о Пушкине и письма (1926); в сб. «Декабристы», изд. АН СССР (т. 1, 1926 – к Е. П. Оболенскому и др.) в Юбилейном сборнике на пошану [в честь] академика Дм. Ив. Багалия» (т. 1, 1927); в сб. «Енисей» (т. II, 1945); в сб. «Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толя» (1936); в «Сибирском сборнике» за 1886 г. (№ 3).

1. В. Д. Вольховскому

Царское Село, 19 сентября 1820 г.

Сбольшим удовольствием читал письмо твое к Егору Антоновичу [Энгельгардту], любезнейший мой Вольховский; давно мы поджидали от тебя известия; признаюсь, уж я думал, что ты, подражая некоторым, не будешь к нам писать. Извини, брат, за заключение. Но не о том дело – поговорим вообще.

Не могу тебе ничего сказать важного, после твоего отъезда, кажется, по несчастью или по счастью, все в том же положении; мои заботы – о ремонте,¹⁰⁸ кроме многих других, которые непременно сопряжены с моим существованием. Пожелай мне счастливого конца хотя в этом деле. Знакомые наши друзья понемногу разъехались; Нарышкин, Оболенский в Москве, Тучков, также получив отставку, отправляется на родину. Колошин все еще в Варшаве и, кажется, останется в отлучке больше положенного срока, ибо царь... правляется на со... кор. Прус... имп. Австрийскому... это... круг... почтен...¹⁰⁹ тебе кланяется. Лицейских мало, очень мало. Случается потосковать – нечего делать, – очень чувствую, что Володи нет. Малиновский один верный остался – и изредка Саврасов. Прочие не знаю по каким обстоятельствам не видимы.

Желаю, брат, тебе всевозможного успеха и исполнения всего возлагаемого на тебя. Не забывай нас и будь счастлив – вот искреннее желание друга твоего.

Иван Пущин.

P. S. Верно, ты читал в газетах, что Бурцов получил [орден] Анны 2-й степени. Порадуйся. Дай бог ему успеха. Но меня удивляет, что я до сих пор не имею от него ответа на письмо, которое было написано тобою. Не понимаю, что это значит.

¹⁰⁸ *Ремонт* – покупка лошадей, деятельность Пущина по службе в Конной артиллерии.

¹⁰⁹ Многоточием здесь обозначены дефекты текста, испорченного при вскрытии письма адресатом.

2. В. Д. Вольховскому

Москва, 8 апреля 1824 г.

На другой день приезда моего в Москву (14 марта) комедиант Яковлев вручил мне твою записку из Оренбурга. Не стану тебе рассказывать, как мне приятно было получить о тебе весточку; ты довольно меня знаешь, чтоб судить о радости моей без всяких изъяснений. Оставил я Петербург не так, как хотелось, вместо пяти тысяч достал только две и то после долгих и несносных хлопот. Заплатил тем, кто более нуждались, и отправился на первый случай с маленьким запасом.

Приехал сюда совершенно в новый мир – до сих пор не могу еще хорошенько опомниться. Жить мне у Павла [Колошина] прелестно; семья вся необыкновенно мила – он так счастлив, что, кажется, совсем забыл о...¹¹⁰ надобно надеяться, однако, на время, которое возвратит его друзьям таким, каким он был прежде. Он оставил службу по неприятностям, но, вероятно, устроивши дела свои в деревне нынешним летом, опять начнет трудиться для пользы общественной. Не верь его отчаянию, можно служить, довольствуясь тем, что удастся сделать хорошего.

Мой Надворный Суд не так дурен, как я ожидал. Вот две недели, что я вступил в должность; трудов бездна, средств почти нет. На канцелярию и на жалование чиновников отпускается две тысячи с небольшим. Ты можешь поэтому судить, что за народ служит, – и, следовательно, надо благодарить судьбу, если они что-нибудь делают. Я им толкую о святости нашей обязанности и стараюсь собственным примером возбудить в них охоту и усердие.

Кашкин определяется ко мне заседателем; я его просил хорошо обдумать свое намерение – он решился на сей подвиг, – я ему чрезвычайно благодарен, авось вместе дело пойдет дружнее.

В Москве пустыня, никого почти или, лучше сказать, нет тех, которых я привык видеть в Петербурге, – это сделалось мне необходимостью.

Черевин, бедный, все еще нехорош – ждет денег от Семенова, а тот до сих пор ни слова к нему не пишет... N-ские очень милы в своем роде, мы иногда собираемся и вспоминаем старину при звуках гитары с волшебным пением Яковлева, который все-таки не умеет себя представить.

Здесь Алексей Тучков, я иногда с ним выдаюсь в свободные часы от занятий.

В Москве я почти ни с кем не знаком, да вряд ли много и познакомлюсь. Приятно было по службе встретить некоторых людей благородных – вообще приемом начальства я не могу довольно нахвалиться.

А прогос¹¹¹ – старшинство отказано, и я остаюсь назло всем *благородным*¹¹² человеком. Весьма равнодушно принял сию весть, присланную к светлому празднику; все прочие представления князя [Д. В. Голицына] высочайше утверждены.

Вот тебе, любезный Володя, все, что можно сказать в тесных пределах письма. Молю бога, чтоб ты, кончивши благополучно поручение свое, порадовал скорее меня своим приездом. Сколько нам нужно будет потолковать! Беседа твоя усладит меня. Не знаю, что ты думаешь? Не знаю, что ты предпримешь?

¹¹⁰ Точки – в подлиннике – вместо названия Тайного общества.

¹¹¹ Между прочим (*франц.*).

¹¹² Отказано в повышении чином; чины давали звание: благородие, высокоблагородие и т. п.

Если тебе будет время, пусть грамотку ко мне прежде твоего выезда из Оренбурга...; по моему расчету это письмо тебя должно непременно там найти. Прощай! Будь здоров и счастлив.

3. А. С. Пушкину

Москва, 1825 г., февраля 18.

Опять я в Москве, любезнейший Пушкин, действую снова в суде. – Деньги твои возвращаю: Вяземская их не берет, я у себя оставить не могу; она говорит, что получит их от одесского приятеля, я говорю, что они мне не следуют. Приими их обратно, – я никак благоразумнее не умею поступить с ними.

Живи счастливо, любезнейший Поэт! Пиши мне послание и уведоми о получении суммы. Кюхельбекера здесь нет. Он в деревне у матери и, вероятно, будет у тебя.

Много знакомых твоих и любопытных о тебе спрашивают. Я, по возможности, удовлетворяю их любопытству. Между прочим, И. И. Дмитриев меня забросал вопросами за обедом у Вяземского.

Прощай, будь здоров. Кланяйся няне.

Твой *Иван Пущин*.

На днях тебе пришлю Рылеева произведения, которые должны появиться: Войнаровский и Думы.

Мой адрес: у Спаса на Песках, близ Арбата, в доме графини Толстой.

4. А. С. Пушкину

12 марта [1825 г., Москва].

Здравствуй, любезнейший Пушкин.

До сих пор жду от тебя ответа и не могу дождаться. Хоть прозой уведомить меня надобно, получил ли ты посланные мною деньги.

Между тем я к тебе с новым гостинцем. Рылеев поручил мне доставить труды его – с покорностию отправляю.

Вяземский был очень болен. Теперь, однако, вышел из опасности; я вижу его довольно часто – и всегда непременно об тебе говорим. Княгиня – большой твой друг.

Хлопотавши здесь по несносному изданию с Селивановским, я, между прочим, узнал его желание сделать второе издание твоих трех поэм, за которые он готов дать тебе 12 тысяч. Подумай и употреби меня, если надобно, посредником между вами. – Впрочем, советовал бы также поговорить об этом с петербургскими книгопродавцами, где гораздо лучше издаются книги.

Все тебе желают мильон хорошего. Мы ждем Ломоносова на днях из Парижа.

Твой *Иван Пущин*.

Марта 12. [Знаменательный] день.¹¹³

¹¹³ *Знаменательный день* – годовщина воцарения Александра I после убийства его отца Павла I.

5. А. С. Пушкину

2 апреля [1825 г.], Москва.

Наконец, получил послание твое в прозе, любезный Пушкин!¹¹⁴ Спасибо и за то. За проклятую *délicatesse*¹¹⁵ я с княгиней бранился; она велела сказать тебе, что ты хорошо сделаешь, когда при деньгах пришлешь ей долг, что она отнюдь не хочет тебе его простить. Только желает, чтоб ты тогда ей заплатил, когда сам будешь иметь довольное количество монеты.

Вяземский совсем поправился, начал выезжать. Все тузы московские тебе кланяются и с большим удовольствием читают *Онегина*.

Мы ждем сюда дипломата Ломоносова, который уже в Петербурге. Будь здоров.

Твой *Иван Пущин*.

Москва, 2 апреля.

[На обороте] Ее высокоблагородию Прасковье Александровне Осиповой. В *Опочке*. Для доставления в село Троегорское. А вас покорно прошу отослать А. С. Пушкину.

¹¹⁴ Письмо Пушкина не обнаружено.

¹¹⁵ Деликатные отношения (*франц.*) – с княгиней В. Ф. Вяземской из-за денежного долга Пушкина (см. письмо 3). По поводу этих денежных расчетов Пушкин писал П. А. Вяземскому 28 января 1825 г. из Тригорского: «Пущин привезет тебе 600 р. Отдай их кн. В. Ф.» (Вяземской).

6. М. И. Пущину¹¹⁶

[Москва], 30 мая [1825 г.].

Вот Якубович, любезнейший Михайло! Прошу тебя с ним познакомиться или узнать его короче, если с ним прежде был знаком. Ты не узнаешь в нем прежнего шалуна – все это прошло. Грузинский воздух прогнал дурь из головы: он там наблюдал, думал и учился. Впрочем, опять не надобно искать в нем совершенства, как некоторые полагают в Москве. Я всегда с удовольствием с ним видался; рассказы его были для меня занимательны, хотя я любил бы, чтобы он не делал столько восхищений и не употреблял бы высокопарных слов, которые напоминают мне Белоусовича...

Якубовича ты должен познакомить с твоими товарищами, особенно прошу с Назимовым свести его.

Летом, признаюсь, несносно действовать в Суде, где, впрочем, дела идут порядочно...

Нарышкин с батальоном стоит в двух верстах от Москвы – его иногда посещаем.

Твой *Иван П.*

¹¹⁶ Письмо имеет прямое отношение к участию в Тайном обществе Пущина и всех названных в письме лиц.

7. М. И. Пущину

Москва, 26 июля 1825 г.

Я располагаю нынешний год месяца на два поехать в Петербург – кажется, можно сделать эту дебошу после беспрестанных занятий целый год. Теперь у меня чрезвычайно трудное дело на руках. Вяземский знает его – дело о смерти Времева. Тяжело и мудрено судить, всячески стараюсь как можно скорее и умнее кончить, тогда буду спокойнее...

Пиши ко мне: твои известия гораздо интереснее моих – у меня иногда от дел голова так кружится, что я не знаю, чем начать и чем кончить!

8. М. И. Пущину¹¹⁷

[Москва], 9 ноября [1825 г.]

В начале декабря непременно буду – в письме невозможно всего сказать: откровенно признаюсь тебе, что твое удаление из Петербурга для меня больше, чем когда-нибудь горестно... Я должен буду соображаться с твоими действиями и увидеть, что необходимость заставит предпринять...

¹¹⁷ См. примеч. к письму б.

9. С. М. Семенову¹¹⁸

[Петербург, 12 декабря 1825 г.]

Когда вы получите сие письмо, все будет решено. Мы всякий день вместе у Трубецкого и много работаем. Нас здесь 60 членов. Мы уверены в 1000 солдатах, коим внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу, свято должна наблюдаться. Случай удобен; ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов. Покажите сие письмо Михаилу Орлову. Прощай, вздохни об нас, если... Успех в руках бога!!¹¹⁹

¹¹⁸ Письмо было послано через декабриста С. М. Семенова члену Тайного общества генералу М. Ф. Орлову, который сжег подлинник. Настоящий текст составлен Орловым по памяти в показании на допросе после 14 декабря 1825 г. (ЦГИА, ф. 48, № 83, л. 11; «Восстание декабристов» (ВД), т. II, стр. 266 и сл.).

¹¹⁹ В показаниях других московских декабристов это письмо приводится с таким дополнением: «Нас по справедливости назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынешний, единственный, случай».

10. Родителям и сестрам¹²⁰

[В пути] 17–31 октября [1827 г.].

Здравствуйтесь, милые мои, я опять, благодаря бога, нашел возможность писать к вам. Может, утешат вас минуты, которые с добрым моим товарищем путешествия... с тем, который должен будет вам доставить эту тетрадку. – О чем? И как спросить?

С каким восхищением я пустился в дорогу, которая, удаляя от вас, сближает. Мои товарищи Поджио и Муханов. Мы выехали 12 октября, и этот день для меня была еще другая радость – я узнал от фельдъегеря, что Михайло произведен в офицеры.

Я не буду делать никаких вопросов, ибо надеюсь на милость божию, что вы все живы и здоровы, – страшно после столь долгой разлуки спросить. Я молился о вас, и это меня утешало.

Начнем с последнего нашего свидания, которое вечно будет в памяти моей. Вы увидите из нескольких слов, сколько можно быть счастливым и в самом горе. Ах, сколько я вам благодарен, что Annette, что все малютки со мной.¹²¹ Они меня тешили в моей золотой тюрьме, ибо новый комендант на чудо отделал наши казематы. Однако я благодарю бога, что из них выбрался, хотя с цепями должен парадировать по всей России.

Будущее не в нашей воле, и я надеюсь, что как бы ни было со мной – будет лучше крепости, и, верно, вы довольны этой перемене, которую я ждал по вашим посылкам, но признаюсь, что они так долго не исполнялись, что я уже начинал думать, что сапоги и перчатки присланы для утешения моего или по ошибочным уведомлениям, а не для настоящего употребления.

Продолжение впредь, теперь мешают. Я все возможные случаи буду искать, чтобы мараить сию тетрадку до Тобольска. Извините, что так дурно пишу – я восхищаюсь, что и этим способом могу что-нибудь вам сказать в ожидании казенной переписки, которую, верно, нам позволят иногда; по возможности будем между строками писать лимонным соком...

Adieu. Молю бога о вас.

22-е [октября 1827 г.].

Мы едем довольно спокойно – фельдъегерь добрый человек.¹²² Дорогой я видел в Ладоге Кошкуля на секунду, – он мне дал денег и ни слова не сказал – видно, боялся, ибо убежал, поцеловавши меня, а я остался с вопросом об вас. Признаюсь, меня это удивило и немного пугает. Твердое упование на бога подкрепляет и утешает. С нетерпением жду известия об вас. – Annette, надеюсь, что ты будешь аккуратна попрежнему, однако будь осторожна с лимоном, ибо Муханов мне сегодня сказал, что уже эта хитрость открыта, и я боюсь, чтобы она нам не повредила. Пиши смело о делах семейных и об друзьях.

Об Муханове уведоми как-нибудь сестру его: она живет в Москве на Пречистенке и замужем за Шаховским, зовут ее Лизавета Александровна. Скажи ей, что брат ее перевезен был из Выборга для присоединения к нам двум – и слава богу мы все здоровы.

Первые трое суток мы ехали на телеге, что было довольно беспокойно; теперь сели на сани, и я очень счастлив. Не знаю, как будет далее, а говорят – худа дорога, сделалось очень тепло. Заметь, в какое время нас отправили, но слава богу, что разделались с Шлиссельбургом, где истинная тюрьма. Впрочем, благодаря вашим попечениям и Плуталову я имел бездну пред

¹²⁰ Подлинное – карандашом в тетрадке; текст во многих местах стерся и разбирается с трудом; некоторые слова не поддаются прочтению.

¹²¹ Имеются в виду портреты родных – сестер, их детей и т. д.

¹²² Написано на случай, если письмо попадет в руки фельдъегеря Желдыбина, везшего Пущина и других декабристов в Сибирь. Это был злой человек, мучивший ямщиков, обворовывавший декабристов.

другими выгод; собственным опытом убедился, что в человеческой душе на всякие случаи есть силы, которые только надо уметь сыскать.

Во-первых, спасибо Eudoxie за Martyrs,¹²³ я ими питался первое время, и Annette за все книги, которые другим такжегодились, хотя Фридберг купил мне «Génie de Christianisme»,¹²⁴ но более ничего не мог выпросить. Я уверен, что вы его с разных сторон атаковали, но он на этот счет слишком – аккуратен. Тюрьму он поправил и много делал нам добра вообще. Спасибо Плуталову – посылки ваши меня много утешали, и я мог иногда с другими делиться. – Верно, Варенька Рябинина делала кiset! Кто положил группу? – Малютки очень похожи – особенно Катя имеет необыкновенное выражение участия. Я знаю только, что Catherine родила благополучно дочь, но где она – мне неизвестно. Когда-то бог даст мне узнать это все. Опять скажу, что удивляюсь Кошкулю, что он мне ничего не сказал.

Поцелуйте у батюшки и матушки ручки¹²⁵ и скажи ему, что я получил от Кошкуля 300 рублей – для сведения.

Вы не можете себе представить, с каким затруднением я наполняю эти страницы в виду спящего фельдъегеря в каком-нибудь чулане. Он мне обещает через несколько времени побывать у батюшки, прошу, чтобы это осталось тайною, он видел Михаила два раза, расспросите его об нем. Не знаю, где вообразить себе Николая, умел ли он что-нибудь сделать. Я не делаю вопросов, ибо на это нет ни места, ни времени. Из Шлиссельбурга не было возможности никак следить, ибо солдаты в ужасной строгости и почти не сходят с острова.

Я слышал, что *Вольховский* воюет с персами; не знаю, правда ли это; мне приятно было узнать, что наш *compagnon de malheur*¹²⁶ оставлен дышать свободнее в других крепостях.

Мне дано на дорогу сверх порционных 50 рублей, а остальные, с лишком тысячу, генерал обещал переслать по почте к иркутскому губернатору [Бантыш-Каменскому]. Прошу вас ничего мне не присылать, ибо у нас всего множество; я не хочу, чтобы вы обо мне много хлопотали. Пишите только чаще, этого я жду как нельзя более. Теперь до свиданья. Из Макарьева на Унже я послал поклон к фон Менгенам и Колошиным чрез смотрителя. Спасибо, что вздумалось мне положить в чемодан пестрый кушак; я думаю, что ты, Алексей (это память Колошиной). – Еще удастся, может, помарать эти листки. – Прощайте, стучат – надо прятать.

25 [октября 1827 г.].

Завтра две недели, что мы путешествуем. Я имел дорогой две прелестные минуты, о коих я должен с вами побеседовать и коими я наслаждался со всею полнотою моего сердца. В Ярославле Якушкина с матерью имела свидание с мужем, который едет перед нами. Мы приезжаем туда вечером пить чай, вдруг являются к нам... люди и спрашивают, не имеем ли мы в чем-нибудь надобности – мы набрали табаку и прочих вещей для дороги. Это был человек *Уваровой*, сестры Лунина, которая ждала своего брата *Лунина*. Она пришла в дом и вызвала фельдъегеря; от него узнала, что здесь Муханов, которого она знает, и какими-то судьбами его пустили к ней. Вслед за сим приходят те две¹²⁷ и вызывают меня, но как наш командир перепугался и я не хотел, чтоб из этого вышла им какая-нибудь неприятность, то и не пошел в коридор; начал между тем ходить вдоль комнаты, и добрая Якушкина в дверь меня подозвала и начала говорить, спрося, не имею ли я в чем-нибудь надобности и не хочу ли вам писать. Меня это так восхитило, что я бросился целовать руки у этой милой женщины. Мать ее благословила меня образом и обещала непременно скоро с вами повидаться в Петербурге.

¹²³ «Мученики» (франц.).

¹²⁴ Дух [характер] христианства» (франц.).

¹²⁵ Один из немногочисленных случаев отступления Пущина от общепринятого правописания.

¹²⁶ Товарищ по несчастью (франц.). – Имеется в виду В. К. Кюхельбекер.

¹²⁷ Те две – А. В. Якушкина и ее мать, Н.Н.Шереметева.

Сегодня мы нагнали Якушкина, и он просил, чтоб вы им при случае сказали по получении сего письма, что он здоров, с помощью божьей спокоен. Вообрази, что они, несмотря на все неприятные встречи, живут в Ярославле и снабжают всем, что нужно. Я истинно ее руку расцеловал в эту дверь... Я видел в ней сестру, и это впечатление надолго оставило во мне сладостное воспоминание, – благодарите их.

Второе – в Вятке я узнал, что тут некоторое время жил Горсткин под надзором губернатора, и у него была вся семья, и вот уже несколько времени, что он отправился в деревню.

Еще тут же я узнал, что некто *Медокс*, который 18-ти лет посажен был в Шлиссельбургскую крепость и сидел там 14 лет, теперь в Вятке живет на свободе. Я с ним познакомился в крепости, и там слух носился, что он перемещен был в другую крепость. Это меня мучило.¹²⁸

Скоро кончится мое маранье – подвигаемся к Тобольску. Ах! ужели не позволят мне к вам писать... Пусть меня всего лишают, я все перенесу, но за что же вас наказывать. Истинно вам говорю, что для меня и, верно, для нас всех тяжеле преступления огорчение родных. Я чувствую надобность страдать и благодарю бога, что он необыкновенным образом меня укрепляет. Без ропота малейшего все переношу и будущим не пугаюсь, но за что же вы должны... под этим тяжелым лишением. Вот один ропот, который я непрестанно делаю, и молю бога, чтоб он вас наделил спокойствием, которое одно может победить все волнения жизни.

Для меня эти два года истинно были полезны – я научился терпению, которого у меня не доставало, научился между тем зрело рассуждать.

Я не говорю вам в подробности обо всех ваших милых посылках, ибо нет возможности, но что меня более всего восхитило – это то, что там было распятие и торжество евангелия, о коих я именно хотел просить.

Устал, милые мои, извините – мы опять едем на телегах, ибо снег стаял. Остановились на два часа отдохнуть, и я пользуюсь первым сном фельдъегеря, хочется и самому немного прилечь, бока разломило. Бог с вами! До завтра.

26 [октября 1827 г.].

Сегодня я пробежал вчерашнее писание и восхитился бестолковицею; видно, что это было писано полусонным человеком, который совершенно полагался на ваше снисхождение. Скоро, любезные мои, я должен буду кончить эту работу; надеюсь, однако, докончить все листики.

Последнее наше свидание в Пелле было так скоро и бестолково, что я не успел выйти из ужасной борьбы, которая во мне происходила от радости вас видеть не в крепости и горести расстаться, может быть, навек. Я думаю, вы заметили, что я был очень смешон, хотя и жалок. – Хорошо, впрочем, что так удалось свидеться. Якушкин мне говорил, что он видел в Ярославле семью свою в продолжение 17 часов и также все-таки не успел половины сказать и спросить.

Ну! любезные мои, пора нам начинать опять прощаться, хотя горько, ко надо благодарить бога, что и так удалось покалякать. Не знаю только, разберете ли вы это маранье.

Поздравляю Ивана Александровича генерал-лейтенантом. Как мне жаль, что я его не видал. Это был бы задаток на будущее.

Ma chère Catherine,¹²⁹ бодритесь, простите мне те печали, которые я причиняю вам. Если вы меня любите, вспоминайте обо мне без слез, но думая о тех приятных минутах, которые мы переживали. Что касается меня, то я надеюсь с помощью божьей перенести все, что меня ожидает. Только о вас я беспокоюсь, потому что вы страдаете из-за меня.

¹²⁸ Пущин не мог знать, что Р. М. Медокс готовил в это время, при содействии Бенкендорфа и с ведома Николая I, провокацию среди декабристов в Сибири (см. книгу С. Я. Штрайх, Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX в., изд 2-е, 1929; изд. 3-е, 1930).

¹²⁹ Часть письма – обращение к сестре, Е. И. Набоковой, – в подлиннике (весь этот абзац и первая фраза следующего) по-французски

Однако я убежден, что тот, кто меня поддерживает, не оставит и вас, которая во всех отношениях заслуживает всяких благ. Спасибо, дорогая Катерина, за заботы о моем белье. Аннетта уже говорила мне об этом. Поцелуй милых деточек, подари им от меня «Génie de Christianisme» – pour la jeunesse.¹³⁰ Эта книга им будет полезна, особенно чрез несколько времени. Как я вам благодарен, что у меня две малютки. Катя с таким участием на меня смотрит, что много со слезами некоторого восхищения на нее глядел. Сама собиралась [?] быть в крепости, как-то ей понравится туда, куда мы едем.

Annette! Кто меня поддерживает? Я в Шлиссельбурге сам не свой был, когда получал письмо твое не в субботу, а в воскресенье, – теперь вот слишком год ни строки, и я, благодаря бога, спокоен, слезно молюсь за вас. Это каше свидание. У Плуталова после смерти нашли вашу записку, но я ее не видал, не знаю, получили ли вы ту, которую он взял от меня и обещал вам показать.

Пожалуйста, Алексей, сохраняй свое мужество – авось когда-нибудь еще здесь увидимся.

Пишите ко мне и иногда присылайте книг, если можно, в Нерчинск, на имя коменданта Лепарского. Что-нибудь исторического или религиозно-философского.

Eudoxie, ты добра и, я уверен, готова на всякое пожертвование для [меня], но прошу тебя не ехать ко мне, ибо мы будем все вместе, и вряд ли позволят сестре следовать за братом, ибо, говорят, Чернышевой это отказано.¹³¹ Разлука сердец не разлучит.

Marie, верно ты делала шнурочек милой для креста?

Никак не умею себе представить, что у вас делается; хотел бы к вам забраться в диванную нечаянно, и сия минута вознаградила бы меня за прошедшее и много укрепила вперед. Истинно говорю вам, вашими молитвами я, грешный, ведь и всегда пользуюсь пред другими разными выгодами. Я немного похудел от долгой жизни без движения – ходил на шести шагах, даже головная и зубная боль, которые меня часто прежде беспокоили, теперь совсем оставили. Я думаю, что это от *доверенности*, которую я перестал оказывать. Смейся, добрая Annette, и растолкуй всем, если не понимают этого.

Варя и Лиза, конечно, не забывают меня, а при случае что-нибудь скажут мне о себе.

Посылаю я вам доброго моего *Привалова* или *Шувалова*, расспросите его об нашем путешествии; он по-своему расскажет вам подробности, которых невозможно описывать.

Егор, я думаю, теперь уже в зять попал, но я уверен, что это не заставит его забыть меня; наша связь выше всех переверотов жизни.

Я надеюсь, что Михаила с вами в переписке. Как я рад, что он опять офицер; напишите, чтобы он ко мне послал грамотку, авось дойдет.

Николя! Как часто я вспоминаю нашу переписку в Алексеевской рavelине, – с нетерпением жду продолжения. Не знаю, как тебя вообразить теперь: в мундире или во фраке, и где? Уверен только, что где бы ты ни был, а будешь то, что я от тебя ожидаю; надеюсь также, что когда-нибудь все это узнаю. Бог велик, и с его помощью можно носить в себе те силы, коих прежде и не подозревал. Любезный друг, вот тебе поручение – прошу тебя со свойственной тебе осторожностью приложенную при сем записку вручить своеручно коллежскому асессору Казимиру Казимировичу Рачинскому, который живет у Каменного театра, в доме Гаевского, и служит в иностранкой коллегии. Ты с ним познакомься при этом случае. Он может быть вам полезен, ибо он очень знаком с Лавинским. Эта записка от Александра Поджио, который со мной едет.

Прощайте до Тобольска – мы спешим. В знак, что вы получили эту тетрадку, прошу по получении оной в первом письме ко мне сделать крестик – х. Это будет ответом на это

¹³⁰ «Дух [характер] христианства» – для юношества (*франц.*).

¹³¹ А. Г. Чернышева все-таки поехала в Сибирь к мужу Н. М. Муравьеву и брату З. Г. Чернышеву.

бестолковое, но от души набросанное мارانье; я надеюсь, что бог поможет ему дойти до вас. Я вам в заключение скажу все, что слышал о нашей будущности – adieu.

Тобольск, 31 октября [1827 г.].

Сегодня в 8 часов утра мы переехали Иртыш и увидели на горе Тобольск. День превосходный, зимний, и мы опять в санях. Ясно утро – ясна душа моя. Остановились прямо у губернатора, который восхитил меня своим ласковым и добрым приемом; говорил с нами очень долго и с чувством. Между прочим, сказал, что *Евгений (точно!)* давно спрашивает обо мне; он обещал сказать ему обо мне сегодня же и сообщить мне от него, что он знает об вас. С нетерпением жду этого, хотя эти известия будут не очень свежи. Я уверен, что это Иван Александрович с ним в переписке и пилит его обо мне. Губернатор велел истопить нам баню, и мы здесь проведем дня два, чтоб немного отдохнуть и собраться с силами на дальнюю дорогу.

Фельдъегерь едет назад с одним жандармом, а другие двое с частным приставом на обывательских лошадях везут нас до Иркутска, где с нас снимут цепи. Мы теперь живем на квартире, и добрый полицеймейстер нас угощает, как добрый и попечительный человек. Бог их всех наградит – я только умею быть истинно благодарным и радоваться в душе, что встречаю таких людей. Поблагодарите губернатора чрез архиерея, я у него в несколько минут душу отвел после беспрестанных сцен в дороге с извозчиками, не забывая той, которая была при нашем свидании. Долго буду помнить я эту лестницу!

Теперь надобно вам сообщить то, что я слышал об нашей участи. Может быть, оно не верно, но по крайней мере, как говорят, мы все будем в местечке *Читинская* (найдите на карте – это между Иркутском и Нерчинском). Будем жить четверо в одной комнате и ходить на какую-то работу, но без принуждения большого. Работе всякой я рад, ибо, говорят, не дадут нам ни бумаги, ни пера. Книги, надеюсь, у нас не возьмут, – это ужасно, если лишит сего утешения. Насчет нашей переписки говорят разное, и потому я не знаю, что думать, – утешаюсь надеждой. Буду всячески стараться и законно и незаконно к вам писать. Удавалось – авось удастся и оттуда.

*Лепарский*¹³² отличный человек, и это заставляет меня думать, что правительство не совсем хочет нас загнать. Я за все благодарю и стараюсь быть всем довольным. Бога ради – будьте спокойны, молитесь обо мне!

Я прошу поцеловать ручку у батюшки и матушки. Если провидению не угодно, чтоб мы здесь увиделись, в чем, впрочем, я не отчаиваюсь, то будем надеяться, что бог, по милосердию своему, соединит нас там, где не будет разлуки. Истинно божеская религия та, которая из надежды сделала добродетель. Обнимите всех добрых друзей.

Егор Антонович часто со мной – особенно в наши праздники. Я в их кругу провожу несколько усадительных минут. Если Малиновский в Питере, то скажите ему от меня что-нибудь. Всем, всем дядюшкам и тетушкам поклоны. Может быть, из Иркутска скажу вам несколько слов – adieu, adieu. Наградите щедро моего *Привалова*, он *добр*.

Письмо Муханова отошли осторожно по адресу. Почтенного священника благодарите, обнимите. Бог с вами.

Извините, я почти готов не посылать этого маранного письма – не знаю, как вы прочтете, но во уважение каторжного моего состояния прошу без церемонии читать и также не сердиться, если впредь получите что-нибудь подобное. К сожалению, не везде мог я иметь перо, которое теперь попало в руки.

Прошу тебя, милая Annette, уведомить меня, что сделалось с бедной *Рылеевой*. Назови ее тетушкой *Кондратьевой*. Я не говорю об Алексее, ибо уверен, что вы все для него сделаете, что можно, и что скоро, получив свободу, будет фельдъегерем и за мной приедет.

¹³² См. Дневник М. И. Пущина (стр. 371 и сл.).

11. Сестрам

[Иркутск], 13 декабря 1827 г.

Пишу роковое число и, невольно забывая все окружающее меня, переносюсь к вам, милым сердцу моему. – Много успел со времени разлуки нашей передумать об этих днях, – вижу беспристрастно все происшедшее, чувствую в глубине сердца многое дурное, худое, которое не могу себе простить, но какая-то необыкновенная сила покорила, увлекала меня и заглушала обыкновенную мою рассудительность, так что едва ли какое-нибудь сомнение – весьма естественное – приходило на мысль и отклоняло от участия в действии, которое даже я не взял на себя труда совершенно узнать, не только по важности его обдумать. – Ни себя оправдывать этим, ни других обвинять я не намерен, но хочу только заметить, что о пагубном 14 декабря не должно решительно судить по тому, что напечатано было для публики.

Будет время когда-нибудь, что несколько поленится это дело для многих, которые его видят теперь, может быть, с другой точки. Я скажу вам только, что, вникая в глубину души и сердца, я прошу бога просветить меня и указать мне истину. Е. А. принимает только: *хорошо* и *худо*; поэтому я обвиняю себя безусловно: то, что мы сделали, пред законом – *худо*, мы преступники, и постигшая нас гибель справедлива. Но, признавая пагубные последствия наших необдуманных начинаний, я не могу не надеяться на того судью, который судит не по тому, что *делают* слабые, слепые смертные, а по тому, *что хотят* они делать. Он нам судья!.. Он, поддерживавший меня поныне, даст мне силу перенести участь, которая в отдаленности кажется ужаснее, нежели вблизи и на самом деле.

Меня здесь мучит только ваше обо мне горе – меня мучит слеза в глазах моего ангела-хранителя, который в ужаснейшую минуту моей жизни забывал о себе, думал еще спасти меня. Простите, Е. А., простите, родные, все то горькое горе, которое я навлек на вас. Не осудите только прежде свидания со мною, не здесь – так там. Да, я буду с вами *там*, я буду с вами, родные, безвинные на сем мире; я буду с вами, Е. А., и вы меня примите опять. Нет, не *опять*, вы меня никогда из сердец ваших не отдалили: я в них; нашу связь, нашу любовь, нашу дружбу ни приговоры светских судилищ, ни 7000 верст – ничто не расторгнет; эта связь простирается и за нынешнюю мою могилу в Чите, за последнюю могилу, которая меня отсюда освободит.¹³³ Прощайте, родные, прощайте, Е. А. Простите, простите!..

¹³³ В Читу Пущин прибыл 5 января 1828 г.

12. Е. А. Энгельгардту

Иркутск, 14 декабря 1827 г.

Вот два года, любезнейший и почтенный друг Егор Антонович, что я в последний раз видел вас, и – увы! – может быть, в последний раз имею случай сказать вам несколько строк из здешнего тюремного замка, где мы уже более двадцати дней существуем. Трудно и почти невозможно (по крайней мере я не берусь) дать вам отчет на сем листке во всем том, что происходило со мной со времени нашей разлуки – о 14-м числе надобно бы много говорить, но теперь не место, не время, и потому я хочу только, чтобы дошел до вас листок, который, верно, вы увидите с удовольствием; он скажет вам, как я признателен вам за участие, которое вы оказывали бедным сестрам моим после моего несчастья, – всякая весть о посещениях ваших к ним была мне в заключение истинным утешением и новым доказательством дружбы вашей, в которой я, впрочем, столько уже уверен, сколько в собственной нескончаемой привязанности моей к вам. – Эти слова между нами не должны казаться сильными и увеличенными – мы не на них основали нашу связь, потому я смело их пишу, зная, что никакая земная причина не нарушит ее; истинно благодарен вам за утешительные строки, которые я от вас имел, и душевно жалею, что не удалось мне после приговора обнять вас и верных друзей моих, которых прошу вас обнять; называть их не нужно – вы их знаете; надеюсь, что расстояние 7 тысяч верст не разлучит сердец наших.

Я часто вспоминаю слова ваши, что не трудно жить, когда хорошо, а надобно быть довольным, когда плохо. Благодаря бога я во всех положениях довольно спокоен и очень здоров – что бог даст вперед при новом нашем образе жизни в Читинской, что до сих пор от нас под большим секретом, – и потому я заключаю, что должно быть одно из двух: или очень хорошо, или очень дурно.

Тяжело мне быть без известий о семье и о вас всех, – одно сердце может понять, чего ему это стоит; там я найду людей, с которыми я также душою связан, – буду искать рассеяния в физических занятиях, если в них будет какая-нибудь цель; кроме этого, буду читать сколько возможно в комнате, где живут, как говорят, тридцать человек.

Не знаю, как и где вас вообразить; при свидании с родными я узнал, что вы с Фрицом тогда были в Финляндии, и мне кажется, что вы теперь там поселились, но зачем – сам не знаю. Теперь же вся ваша семья пристроена, и Воля, который теперь большой Владимир, верно, уже государственный человек. Если эти строки дойдут до вас, то я надеюсь, что вы, если только возможно, напишете мне несколько слов. Если родные имеют право писать к нам, то и вам правительство не откажет прибавить несколько слов, – для меня это будет благоденствие.

Где и что с нашими добрыми товарищами? Я слышал только о Суворочке, что он воюет с персианами – не знаю, правда ли это, – да сохранит его бог и вас; доброй моей Марье Яковлевне целую ручку. От души вас обнимаю и желаю всевозможного счастья всему вашему семейству и добрым товарищам. Авось когда-нибудь узнаю что-нибудь о дорогих мне.

Ваш верный *И. Пущин*...

13. И. П. Пущину

Иркутск, [декабрь 1827 г.].

Шесть тысяч верст между нами, но я при всех малых ожиданиях на помощь правительства не теряю терпения и иногда даже питаю какие-то надежды. Нас везут к исполнению приговора; сверх того, как кажется, нам будет какая-то работа, соединенная с заключением в остроге, – следовательно, состояние гораздо худшее простых каторжных, которые, хотя и бывают под землей, но имеют случай пользоваться некоторыми обеспечениями за доброе поведение и сверх того помощью добрых людей устроить себе состояние довольно сносное. Между тем как нас правительство не хочет предать каждого своей судьбе и с некоторыми почестями пред другими несчастными (как их здесь довольно справедливо называют) кажется намерено сделать более несчастными.

Например, ужасно то, что сделали с нашими женами, как теперь уже достоверно мы знаем (желал бы, чтобы это была неправда!). Им позволено и законами и природными всеми правами быть вместе с мужьями. После приговора им царь позволил ехать в Иркутск, их остановили и потом потребовали необходимым условием быть с мужьями – отречение от дворянства, что, конечно, не остановило сих несчастных женщин; теперь держат их розно с мужьями и позволяют видеться только два раза в неделю на несколько часов, и то при офицере.¹³⁴ Признаюсь, что я не беру на себя говорить об этом, а еще более судить; будет, что богу угодно.

Мы выехали из Тобольска 1 ноября на обывательских лошадях с жандармами и частным приставом, который так добр, что на ночь позволяет нам снимать цепи, что мы делаем с осторожностью, ибо за этими людьми присматривают и всякое добро может им сделать неприятность.

Мы почти всякую ночь ночевали часов шесть, купили свои повозки, ели превосходную уху из стерлядей или осетрины, которые здесь ничего не стоят, – словом сказать, на пятьдесят коп. мы жили и будем жить весьма роскошно. Говядина от 2 до 5 коп. фунт, хлеб превосходный и на грош два дня будешь сыт.

В Шлиссельбурге я ужасно сдружился с Николаем Бестужевым, который сидел подле меня, и мы дошли до такого совершенства, что могли говорить через стену знаками и так скоро, что для наших бесед не нужно было лучшего языка. Ах! Когда я буду в возможности показать вам мильон наших хитростей? Я надеюсь, что Annette не откажется повидаться с его матерью и сестрами и сказать им, что мы имели сие утешение и что их Михайло уехал из Шлиссельбурга 29 сентября сего года с первой партией. Добрый Плуталов несколько раз хотел дать мне прочесть донесение, на котором я только увидел надпись Суворочки, но я не мог его убедить.¹³⁵

При отправлении моем наш офицер сказал, что Фридберг нашел у покойника вашу записку ко мне, но я ее никогда не получал.

Прощаясь, я немного надеялся кого-нибудь из вас видеть в Ладоге или по крайней мере найти письмо. Впрочем, вы хорошо сделали, что не приехали, ибо Желдыбин никак бы не позволил свидания. Благодарите Кошкуля, но между тем скажите, что я никак не понимаю, отчего он не мог слова мне сказать об вас.

¹³⁴ Женам декабристов, поехавшим за мужьями в Сибирь, впоследствии разрешили жить в тюремных казематах вместе с их мужьями. Осужденным декабристам также позволяли выходить из тюрьмы к женам, имевшим дома в Чите и Петровском. Добились они всего этого после долгих и тяжелых страданий, которым подвергались те и другие. Подвиг жен воспел Н. А. Некрасов в своей знаменитой поэме «Декабристки» («Русские женщины»)

¹³⁵ На долю В. Д. Вольховского выпало несчастье присутствовать в качестве представителя военного ведомства при казни пяти декабристов.

Я очень часто об этом думал и, верю, был бы ему гораздо благодарнее, нежели за деньги. Правда, что свидание наше было под выстрелом, но можно было найти средство (даже должно было). Надеюсь на бога.

14. Е. А. Энгельгардту

Чита, 14 марта 1830 г.

На днях получил доброе письмо ваше от 8-го генваря, почтенный, дорогой мой друг Егор Антонович! Оно истинно меня утешило и как будто перенесло к вам, где бывал так счастлив. Спасибо вам за подробный отчет о вашем житье-бытье. Поцелуйте добрую мою М. Я. и всех ваших домашних: их воспоминание обо мне очень дорого для меня; от души всех благодарю.

Об себе я ничего особенного не имею вам сказать, могу только смело вас уверить, что, каково бы ни было мое положение, я буду уметь его твердо переносить и всегда найду в себе такие утешения, которых никакая человеческая сила не в состоянии меня лишить. Я много уже перенес и еще больше предстоит в будущем, если богу угодно будет продлить *надрезанную* мою жизнь; но все это я ожидаю как должно человеку, понимающему причину вещей и непременную их связь с тем, что рано или поздно должно восторжествовать, несмотря на усилие людей – глухих к наставлениям века. Желал бы только, чтоб все, принимающие в судьбе моей участие, не слишком горевали обо мне; их спокойствие меня бы еще более подкрепило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.